

1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора

А.Н. Сахаров

В отечественной и зарубежной историографии принято считать, что именно 1929 г. стал годом сталинского «коренного перелома» во внутренней политике, годом окончательного свертывания нэпа, революции «сверху» в аграрном секторе¹. Что касается так называемого Большого террора, то его хронологический охват, как правило, определяется 1936—1938 гг., в основном «ежовщиной». В некоторых работах начало Большого террора относится к концу 1934 г., когда был убит С.М. Киров и вслед за этим И.В. Сталин нанес репрессивный удар по партийной организации и интеллигенции Ленинграда. Что касается судеб крестьянства, то в работах, посвященных коллективизации, есть слова и о «гражданской войне в деревне», и о начале «массового кровавого террора». Эти слова передают драматизм событий начала 1930-х годов, однако события в деревне рассматриваются в отрыве от контекста эпохи «сталинизма», как она складывалась с конца 1920-х годов. Таким образом, «год коренного перелома» и Большой террор разделяются по меньшей мере пятью годами, а максимально — почти десятилетием². Такой подход искажает смысл событий, происходивших в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов, выводит их за рамки той единой репрессивной линии, которая открывается с приходом Сталина к реальной власти в партии и стране в 1925—1927 годах. Тем самым трагическая судьба крестьянства отделяется от репрессивной политики в отношении городского населения.

В реальной жизни все эти процессы были неразделимы. Именно об этом свидетельствуют материалы недавно рассекреченных фондов Центрального архива ФСБ РФ. В них имеются регулярные обзоры, записки, донесения о социально-политическом положении в стране в 1922—1934 гг., адресованные органами безопасности руководству СССР и непосредственно Сталину. Подобного рода материалы систематически создавались ВЧК—ГПУ—ОГПУ начиная с 1921 года³. Достоверность этих конфиденциальных материалов позволяет внести серьезные коррективы в освещенные истории страны⁴. В частности, секретные донесения ОГПУ 1930 г. позволяют по-новому оценить поворот, связанный с тотальным наступлением сталинизма по всем линиям, первой массовой жертвой которого стало крестьянство.

К началу 1930 г. страна уже в течение тринадцати лет жила в условиях послереволюционного режима. Позади остались смертоубийства, террор и голод времен Гражданской войны, «военный коммунизм» с его уравнилов-

Сахаров Андрей Николаевич — член-корреспондент РАН.

кой, репрессивными комбедами, самоуправством и беззастенчивым стяжательством всевозможных «уполномоченных» и комиссаров. Нэп частично устранил насильственные методы управления обществом, включил некоторые рычаги самосохранения нации. Но по-прежнему бурлила поднятая революцией волна народного мщения, сохранялось стремление к социальному реваншу по отношению к старому миру, к людям, которые этот мир олицетворяли. Революционные преобразования распространялись на все новые области общественной жизни.

Ученые давно уже обратили внимание на тот факт, что любая масштабная революция, которая меняет весь строй жизни общества, и прежде всего формы собственности, занимает целый исторический период. Октябрьская революция 1917 г. не стала исключением. В 1917—1920-х гг. в революции участвовали те слои народа, которые совершили переворот в Петрограде и Москве и сумели защитить новую власть с оружием в руках. В первую очередь это были революционные солдаты, матросы, рабочие. В период Гражданской войны к ним присоединились мобилизованные в Красную армию новобранцы. Но миллионные массы вошли в революцию в середине 1920-х годов: поднялись к новой жизни глухие углы, забурлили каждая деревня, каждая фабрика; там, где прежде не было ни белых, ни красных и лишь скоротечно прошумела буря междоусобицы, в революцию вошел обыватель.

Когда малокультурные, обездоленные люди поняли, что они могут не только встать вровень с имущими, с вчерашним «барином», но и подняться выше него в социальной иерархии, завладеть безнаказанно его домом, имуществом, средствами производства (коллективно или индивидуально), — когда до них дошел этот сокровенный смысл революции, она стала многомиллионным социальным взрывом, который и оказался на десятилетия самым важным, реальным результатом Октябрьского переворота.

Основным смыслом каждой большой революции становится тот предел, до которого удастся дойти низам в решении назревших цивилизационных задач и экстремистам, представляющим эти низы в политике. В Англии середины XVII в. вплотную к этому рубежу подошли левеллеры и диггеры, во Франции времен якобинской диктатуры — «бешеные». Не давая возможности перейти рубеж, ведущий к торжеству низов с их утопическими уравнительными фантазиями, общество включало рычаги самосохранения. В Англии этот решительный шаг сделали Кромвель и индепенденты, во Франции — деятели Термидора. Они спасли свои страны от революционного одичания, от революции «без конца», остановили ее после решения продиктованных временем цивилизационных задач (ликвидация абсолютизма, установление конституционного, парламентского строя, устранение сословных привилегий и пр.). Им удалось сохранить основу цивилизации — частную собственность и рыночные отношения, что открывало перспективу борьбы за права и свободы личности, за качество жизни всей нации.

В России такой сдерживающей силы ни в 1917 г., ни позже, на путях нэпа и кооперации, не оказалось. Сталин и его соратники использовали наиболее радикальные методы преобразования общества по социалистическому образцу, как они его понимали, зачастую вопреки теориям К. Маркса, Ф. Энгельса и их ближайших последователей и соратников — К. Каутского и Э. Бернштейна.

Вопрос заключался в том, когда и как эти радикалы предпримут новое наступление. Сигналом для его начала послужила статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная 7 ноября 1929 года. Так Сталин назвал 1929 год, поскольку наряду с решающими сдвигами в «строительстве промышленности», по его мнению, тогда совершилось беспрецедентное событие: крестьянство, в том числе середняки, потянулось в сторону коллективного хозяйства, повернуло от «капиталистического пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов», к «социалистическому пути», сулящему середнякам и беднякам манну небесную⁵. Собственнический инстинкт русского крестьянина, по мнению Сталина, был преодолен; открылась пер-

спектива социалистического строительства в самой отсталой, самой консервативной сфере социально-экономической жизни — в аграрном секторе, охватывающем основную часть населения.

Но Сталин явно лукавил. К октябрю 1929 г. насчитывалось лишь 7,6% коллективизированных хозяйств ⁶. Средняков в их составе было и того меньше. Поэтому утверждение вождя о том, что «крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами», «в колхозы пошел середняк» ⁷, не соответствовало действительности. Смысл статьи заключался не в том, чтобы просто фальсифицировать в пропагандистских целях реальный процесс. Он давал установку на будущее, на предстоящий год: сделать коллективизацию действительно массовой, добиться того, чтобы основная часть крестьянства оказалась в колхозах; провозглашался курс на всемерное форсирование этого процесса ⁸. Поэтому реально годом «коренного перелома» должен был стать 1930-й год.

На это нацеливал страну ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б). В конце декабря 1929 г. Сталин, выступая на конференции аграрников-марксистов, заявил: «От политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса» ⁹. В начале января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации», сократившее ее сроки в два-три раза. Сдвиг влево, в сторону осуществления радикальных, утопических концепций произошел после передышки, связанной с нэпом и борьбой за власть, победителем из которой вышел Сталин: все оппозиционные силы внутри партии были сокрушены, их вожди сломлены и находились в полной власти победителей, а Л.Д. Троцкий с февраля 1929 г. обретался за границей. Эта победа увенчалась беспрецедентным празднованием 50-летия Сталина, который был объявлен преемником В.И. Ленина. Именно этот юбилей стал началом складывания культа личности Сталина ¹⁰. Теперь полигон для радикальных социально-экономических экспериментов был открыт. Но нужны были еще и кадры, средства. А их не было.

Но не только желание осуществить на практике радикальные идеи руководило Сталиным и его соратниками. Их экстремизм наталкивался на сопротивление значительной части общества «левому маршу». Ложившиеся на стол руководителям партии и правительства материалы Информационного отдела ОГПУ о положении в стране показывали, что народ России, расколотый революцией и Гражданской войной, подчинившийся силе, не сломлен духовно. Пришла в брожение и рабоче-крестьянская масса, долго являвшаяся опорой нового режима. Добраться до ослепительных экономических, культурных, внешнеполитических высот, о которых бредили большевики, не удавалось. Не удавалось изжить приверженность частной собственности, рыночным отношениям; стремление к свободе, независимости от власти, подкрепленное нэпом, владело значительной частью народа. И крестьянство здесь стояло на первом месте. Сталин хотел иметь в стране другое крестьянство. А в перспективе — и другой народ, «нового человека» (о котором, кстати, первым заговорил в начале 1920-х годов Троцкий). Все, что не укладывалось в рамки этого понимания, подлежало переделке или уничтожению.

Что же представлял собой тот «человеческий материал», за который с таким рвением взялось сталинское руководство? Были ли у создателей концепции «нового общества» и «нового человека» какие-нибудь предпосылки для своих рискованных общественных затей? На кого руководство собиралось опереться в решении подобных задач?

По существу, к 1930 г. в стране жили и активно проявляли себя люди нескольких поколений. Во-первых, те, кто родились еще в XIX в. и к окончанию первой трети нового века достигли 50—60 лет; во-вторых, поколение, появившееся на свет в первые годы XX в., кому к 1930 г. было по 25—30 лет; в третьих, молодые люди до 20 лет.

В основном это было крестьянское население. В начале XX в. 86,6% населения России проживало в сельской местности и только 13,4% в горо-

дах. К середине 1920-х годов молодежь 20—29 лет составляла почти половину населения. Россия в эти годы была одной из самых «молодых» стран в мире ¹¹, поскольку по уровню рождаемости стояла в то время на одном из первых мест. Естественно, подавляющее большинство этой «молодежи» составляли сельские жители. Высокая рождаемость — следствие низкого уровня благосостояния народа и его потребностей, малой культуры, скромных запросов. Таков был облик народа с демографической точки зрения. К этому надо добавить его невероятную подвижность. Процесс миграции сельского населения в города, начавшийся интенсивно после отмены крепостного права, приобрел гигантские размеры под влиянием реформы П.А. Столыпина, но особенно — после Февральской революции, снявшей все сословные и национальные перегородки, и Гражданской войны. Индустриализация предопределила исход многих миллионов крестьян в город. Раскрестьянивание, изменив соотношение городского и сельского населения, на десятилетия превратило жителей городов в носителей деревенских общинных традиций, менталитета, быта. Не успев сформироваться в качестве полноценных центров городской цивилизации, российские города оказались размытыми потоком сельского населения. Лишь в первое десятилетие века в Москву прибыло 700 тыс. человек, Петербург пополнился миллионом выходцев из деревни. Аналогичные явления имели место и в других городах России. После 1917 г., но особенно в 1920-е годы, приток сельского населения в города еще увеличился, формируя армию нищих, обездоленных людей, рвущихся к новой жизни, которую они сначала наблюдали из своих жалких лачуг и подвалов, а позднее устраивались в коммунальных квартирах в доходных домах или в апартаментах уничтоженных или изгнанных революцией людей старого мира.

Особенно следует сказать о рабочих. Для этой большой, относительно сплоченной самими условиями работы и жизни группы населения была характерна неразрывная связь с деревней, землей, со своими деревенскими родственниками. Крестьянскими по составу являлись и сезонные призывы: вербовки рабочих на торфяные разработки, лесозаготовки и т.п. Неизгладимая печать крестьянских общинных традиций, привычек, отношения к труду лежала на облике рабочих в 1920-е — начале 1930-х годов.

В начале XX в. Россия занимала одно из последних мест в Европе по грамотности населения (21%). Три четверти сельского населения и 59,2% горожан были вообще неграмотными. Катастрофически низким был уровень грамотности на окраинах России (3,6%). В западных губерниях грамотных людей было относительно больше, чем в губерниях Центральной России и Украины, но к востоку, в Средней Азии, а также на Северном Кавказе, в Закавказье, Бессарабии этот показатель резко снижался ¹².

К началу 1920-х годов положение несколько улучшилось, но все же лишь 58,3% городского населения и 33,5% сельского населения было грамотным. Население национальных окраин оставалось в основном неграмотным. Но даже показатель грамотности еще не говорит, что люди владели политической, гражданской и бытовой культурой. Великий просветитель и народолюбец издатель И.Д. Сытин, сам вышедший из гущи народа и прекрасно знавший его, писал, что Россия — «страна неограниченных возможностей и неограниченного невежества». Такой она и осталась к исходу первой трети XX в., несмотря на кампанию по ликвидации неграмотности, избы-читальни, вечерние школы и т.п.

Российские демографы, оценивая культурный уровень народа, нередко оперируют устаревшей категорией процента грамотности, когда уровень образования определяется по умению людей писать и считать. Но уже к концу XIX в. в развитых европейских странах такая оценка ушла в прошлое. Используется же другая: среднее число лет обучения ¹³.

Если руководствоваться этим критерием, то уровень образования даже промышленных рабочих, к которым апеллировало руководство СССР, выглядит катастрофическим: отставание от европейских стран на эпоху. Согласно переписи 1929 г., 21,7% промышленных рабочих СССР не имели школь-

ной подготовки, три четверти из них были неграмотны, а четверть овладела грамотой самоучкой. Среди жителей сельской местности (особенно женщин), значительная часть которых в ходе форсированной индустриализации пополнила ряды советского рабочего класса, эти показатели были еще хуже ¹⁴. Этому народу и надлежало осуществить «коренной перелом» и самому стать объектом этого «перелома».

Наконец, самое важное, миллионы людей, лишь овладевшие азами грамоты и счёта, не имели представления об уважении к человеческой личности, о гражданских правах и свободах, о гражданском долге и ответственности. Законодателем порядка, традиций, обычаев, морали российской деревни являлась выросшая из глубокого средневекового крестьянская община. Русская деревня вплоть до 1917 г., по сути, не знала свободных, динамичных, культурных фермеров, о которых мечтал Столыпин. Община после Октябрьского переворота 1917 г. и Декрета о земле поглотила не только помещичьи земли, но и основную массу выделившихся ранее из ее состава хуторов и отрубов. Море крестьянской общины сомкнулось над головой «крепкого мужика», и в этом смысле можно сказать, что сталинская коллективизация с ее примитивным поравнением стала логическим завершением торжества общинно-уравнительных, «социалистических» тенденций в российской деревне.

Новая экономическая политика на время ослабила эту средневековую тенденцию. У деятельной части крестьянства появились возможности реализовать свои хозяйственные, жизненные устремления. После уравнительных и разорительных тягот военного коммунизма деревня стала оживать и, как результат этого, улучшилось положение с продовольствием в городах. Но сохраняла силу общинная спайка против удачливого, работающего соседа-хозяина; сплоченная отсталая масса исповедовала ненависть к зажиточному крестьянину, «мироеду», «кулаку», культ власти, репрессий, беспощадных по отношению к тем, кто не такой как все, небрежение к человеческой личности. Нужен был только сигнал сверху, чтобы ситуация в деревне повернулась вспять, к первым революционным годам «чрезвычайщины». И он прозвучал в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б), взявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства.

Необходимо учитывать и общую милитаристскую настроенность населения, особенно в тех регионах, откуда традиционно как до революции, так и в советское время рекрутировалась армия. Не мог пройти бесследно тот факт, что с XVI по XIX в. Россия воевала 167 раз. Лишь в XIX в. на ее долю пришлось 20 войн. В первой четверти XX в. русский солдат продолжал постоянно воевать. Русско-японская война 1904—1905 гг., Первая мировая война, практически без перерыва перешедшая в кровопролитную и яростную Гражданскую войну, а затем в операции против Махно, крестьян в тамбовских лесах, на льду Кронштадта, в среднеазиатских басмаческих песках. Приученные к повседневности красного террора, когда пленных не брали и не жалели, красноармейцы перенесли в мирную жизнь навыки военных лет, психологию борьбы и ненависти.

К окончанию Гражданской войны под ружьем стояла пятимиллионная армия победителей, привыкшая все ключевые вопросы решать при помощи оружия. Миллионы солдат, возвращаясь в свои дома, несли с собой дух превосходства силы, взяты за оружие значило для них заняться наиболее знакомым делом. С внутренним протестом основная часть партии, низовые руководители встретили переход к новой экономической политике. К 1930 г. милитаристский менталитет, тяга к «чрезвычайщине» не только не исчезли в умах, ощущениях победивших низов, но, как выявил весь ход событий, еще более окрепли.

Путеводной звездой для масс рабочих и крестьян была борьба против «буржуазной контры» и утверждение своих социальных притязаний. Социальная справедливость была для них абстрактным лозунгом. Зато близким и понятным являлся лозунг всеобщего равенства, точнее, уравниловки. Эта доминанта общественного сознания пронизывает документы революции,

политическую практику; великолепно отражена она и в советской художественной литературе 1920-х — 1930-х годов.

В сознании и практике масс это требование социального равенства, одухотворявшее людей, перерождалось в ощущение собственной социальной исключительности («рабочее», «бедняцкое» происхождение) как заслуги, дающей основание для определенных общественных привилегий. Бедные, простые, полуграмотные. Именно эти человеческие характеристики в революционную эпоху стали «знаком качества», между тем как прежде обладателям подобных «достоинств» не позволялось подняться наверх по социальной лестнице.

Основной доминантой этих характеристик были не столько классовые параметры, на чем настаивали коммунисты, сколько параметры цивилизационные. Не классовая борьба, а цивилизационное противостояние — таков был реальный источник социальных коллизий и катаклизмов в России как на заре столетия, так и к исходу трети этого века. Мир в социальном плане перевернулся с ног на голову. Именно за этот перевернутый мир, а не за какие-то абстрактные марксистские догмы миллионы людей клали свои головы в годы Гражданской войны, утверждали его в годы «военного коммунизма». На исходе 1920-х годов культ силы и власти, социального реванша маленького полуграмотного человека пропитал все поры общества. Поэтому Большой террор, который Сталин и его соратники развязали против всех несогласных, инакомыслящих, был поддержан народом. Именно участие в терроре народа придало ему массовый характер, сделало его поистине «большим». Сотни тысяч, миллионы доносов, массовое представительство в органах ОГПУ—НКВД, в ГУЛАГе, активная наступательная «антивражеская» позиция в разного рода парткомах, профкомах, бюро и т. п., на фабриках и заводах, в учреждениях и учебных заведениях — все это было частью системы, которая сложилась и была подготовлена к очередному социальному взрыву в 1930 году.

Под стать основным массам преобразалась и Коммунистическая партия, с каждым годом фантастически увеличивалась в своем составе, на что с озабоченностью указывал Ленин в предсмертных статьях, подчеркивая, что многие люди шли в партию не по идейным соображениям, а за выгодой.

К 1921 г. 90% коммунистов вступили в ее ряды во время Гражданской войны; она являлась продуктом милитаристской культуры. К 1923 г. в ней числился лишь 1% членов с дореволюционным стажем¹⁵. Основная же масса была представлена выходцами из тех слоев народа, о которых шла речь выше. Из той же массы формировалась и верхушка партии. В июне 1930 г. в организационном отчете ЦК XVI съезду Л.М. Каганович привел такие данные: 88,4% руководящих кадров партии, представленных на съезде, вступили в нее после 1917 г., а 58% их них получили партийные билеты в 1918—1920 годах¹⁶. Это были крестьяне, матросы, красноармейцы и красные командиры — малокультурная, агрессивная сила; они и составляли основной руководящий состав партии к началу 1930-х годов. Именно об этих людях заботился Сталин, когда задумал создать свой «Краткий курс истории ВКП(б)» и теоретически их образовать.

Первые варианты книги Сталин отверг по причине того, что содержание ее было трудным для восприятия. Он затребовал данные об образовательном цензе партийного руководства. И вот что он получил. В середине 1937 г. заведующий организационным отделом ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков представил вождю записку со следующими данными: среди секретарей обкомов высшее образование на то время имели 15,7%, а низшее — 70,4%; среди секретарей окружкомов, соответственно, 16,1% и 77,4%; среди секретарей горкомов — 9,7% и 60,6%; секретарей райкомов — 12,1% и 80,3%. Это были данные о невежестве и бескультуре партийного руководства, которому в начале 1930-х годов предстояло совершить «коренной перелом»¹⁷. Сталин приказал переделать учебник так, чтобы он был понятен этим людям.

К середине 1930-х годов основная часть рабочих и крестьян осталась практически наедине сама с собой — все, или почти все, противники были

повержены, ушли в небытие. 2 млн человек оказались в эмиграции, 1,2 млн погибли в результате «красного террора»¹⁸. Значительная часть старого офицерского корпуса погибла на полях сражений Гражданской войны (страна потеряла тогда 10,5 млн человек). Оставшиеся в Советской России представители «старого мира» были задвинуты «на задворки истории». Сотрудничество части из них с новой властью, участие в ее органах на основе использования их профессионального опыта не меняло общей социальной панорамы тех лет.

В 1929—1930 гг. создавалась сеть исправительно-трудовых лагерей. Для руководства этой системой в апреле 1930 г., то есть в то время, когда началась сплошная коллективизация, было учреждено Управление исправительно-трудовых лагерей, которое с октября 1930 г. получило статус Главного управления. На свет появился ГУЛАГ. Возникновение системы ГУЛАГа не только привело к ужесточению и колоссальному расширению карательно-репрессивной политики, но и оказало влияние на все сферы советского общества — экономику, политику, культуру, социальные отношения, на психологию людей¹⁹. Прежде реализация курса на «чрезвычайщину» сдерживалась объективными обстоятельствами — нэпом и субъективным фактором — наличием сильной антисталинской оппозиции. Но теперь нэп практически был свернут и «субъективный фактор» устранен. Открылась широкая дорога для дальнейших левацких экспериментов малограмотных, идеологически ограниченных, жестоких правителей, опиравшихся на широкие слои, вполне готовые к новому курсу.

Создавая ГУЛАГ, руководство воспользовалось опытом уже существовавшего самого крупного концентрационного лагеря, Соловецкого, полигона, где «большевики отрабатывали новую модель мест лишения свободы». Новые концлагеря возникли путем отпочкования как раз от Соловецкого лагеря (Беломорско-Балтийский, Вишерский, Северные лагеря особого назначения, лагеря Вайгачский и Ухтинский). Этот опыт заключался не только в организации охраны, режима, использовании принудительного труда в «народных интересах». Выработывалась изощренная система «наказаний» — издевательств, не только причинявших людям физические страдания, но и унижавших человеческую личность²⁰. Здесь фантазия администрации и надзирателей — простых людей, бывших рабочих и крестьян — была неистощима: убийства и доведения до самоубийства, систематические избиения, изощренные пытки, морение голодом, стояние в «параше», принуждение к сожигательству и т.п.

Пытки по отношению к пленным, арестованным и раньше широко практиковались в Красной армии, органах ВЧК в период Гражданской войны. Соловецкий лагерь, по существу, узаконил их в пенитенциарной практике Советского государства²¹. С 1930 г. страна стремительно пополнялась концентрационными лагерями по типу Соловецкого. Одновременно Сталин расставлял повсюду своих людей. Продолжались кадровые чистки в партийных органах и органах управления, в системе ОГПУ. В 1930 г. вместо тяжелобольного руководителя ОГПУ, соратника Ф.Э. Дзержинского В.Р. Менжинского во главе этого ведомства Сталин поставил Г.Г. Ягоду, а во главе Информационного отдела ОГПУ — И.В. Запорожца, который позднее сыграл не последнюю роль в организации убийства С.М. Кирова. Поменял Сталин и своего ближайшего помощника: с 1930 г. вместо старого большевика И.П. Товстухи рядом со Сталиным появляется непроницаемый А.Н. Поскребышев. На имя Поскребышева и направляло ОГПУ Сталину отчеты о положении в стране.

Теперь, кажется, все было готово к новому тотальному наступлению на инакомыслящих, недовольных новым режимом, на все остатки частнособственнического и индивидуального хозяйства, которое было представлено необъятным морем российского крестьянства, угрожавшего строительству советского «социализма».

Недавно рассекречены материалы фонда № 2 Центрального архива ФСБ РФ — обзоры, донесения, рапорты Информационного отдела ОГПУ, записки руководителей ОГПУ. Они рисуют картину развернувшегося тотального

левацкого наступления во всех сферах жизни страны, и в первую очередь в аграрном секторе, роль властей разного уровня в данном процессе, реакцию различных слоев народа на «коренной перелом», обозначившийся в жизни страны. Тысячи тайных информаторов и местные штатные работники Управления собирали сведения о настроении населения; краевые и областные центры Управления в обобщенном виде направляли их в Информационный отдел ОГПУ; вновь обработанные и обобщенные, они поступали к руководству. Таким образом, низовые работники по-своему участвовали в выработке идеологии «перелома».

Решающей и направляющей силой в разворачивающихся событиях являлись местные партийные и советские организации, опиравшиеся на так называемый «актив» деревни и города — бедняцкие слои, бывших красноармейцев, красных партизан; в городах — на рабочих крупных предприятий. Именно рабочих — так называемых 25-тысячников — партия в 1930 г. направляла в помощь местным органам, деревенскому «активу», проводившим сплошную коллективизацию. Значительную роль играла армия, подавлявшая вместе с органами ОГПУ и милиции сопротивление крестьянства, особенно его зажиточных слоев, процессу коллективизации и помогавшая «активу» в обобществлении хозяйств.

Десятки миллионов людей осуществляли репрессивный нажим; одновременно другие миллионы становились объектом сталинских манипуляций — сплошной коллективизации, развития ударничества, повышения норм выработки на заводах, насильственных вербовок на лесозаготовки и торфяные разработки и т.п. При этом в центр обвинительной программы государства и общества была поставлена фигура «кулака», а критерием лояльности человека режиму считалось в первую очередь отношение к сплошной коллективизации. «Великий перелом» не миновал также интеллигенцию, сферу культуры и образования. Обслуживать его пришлось сотням тысяч преподавателей вузов и школ, студенчеству, работникам АН СССР, других учреждений науки, культуры, средств массовой информации, издательств.

Определение «кулак» уже подразумевало репрессии, вплоть до физического уничтожения. При этом само понятие «кулак» как в российской, по Ленину, «самой дикой», так и в советской деревне с ее общинной спайкой и уравнительностью не обозначало действительно богатых крестьян, имевших в своем распоряжении значительное количество земли, использовавших новейшие севообороты, современную технику и привлекавших на систематической основе труд вольнонаемных рабочих, что было в реальности большой редкостью. В основном это была одна и та же крестьянская масса, которую разделяли не классовые категории и даже не имущественная дифференциация («бедняк», «середняк», «кулак»), а отношение к труду, уровень предприимчивости, количество работоспособных членов семьи. В остальном все они жили в одних и тех же условиях — без электричества, водопровода, с плохими дорогами или вовсе без дорог, по старым дедовским обычаям. Но в замкнутом общинном мирке даже небольшое возвышение какого-либо хозяйства было нетерпимо для остальных. Так же понятие «враг народа» легко укоренилось в городе, где зачастую люди, пользуясь обстановкой «охоты на ведьм», попросту сводили счеты друг с другом в борьбе за должности, звания, жилую площадь.

Особому обращению подвергались «бывшие люди». Этим термином, который придумали революционные пропагандисты, обозначали представителей устранившихся из политической жизни слоев: служителей культа, старого офицерства, предпринимателей, дворян. Все попадавшие в данную категорию люди оказывались открытыми для атак со стороны идеологических служб и органов ОГПУ, а также со стороны нового советского обывателя, почувствовавшего запах крови своих «классовых врагов».

Все эти стороны общественной жизни в той или иной степени отразились в секретных материалах ОГПУ, которому пришлось выполнять ряд несовместимых, взаимно противоречивых задач.

Во-первых, показать реальное положение дел в стране и настроения крестьянства, рабочих, интеллигенции, в армии. При этом необходимо было выявить недостатки в деятельности местных органов власти, их упущения, противозаконные действия, отступления от линии партийного руководства. На основании выявленных фактов надлежало определить источники недовольства людей. Но дело заключалось в том, что сама линия руководства как раз и толкала местные власти, администрацию фабрик, заводов, учреждений и учебных заведений на незаконные действия. Те, кто отвечал за претворение линии партии и правительства в жизнь, делали это в соответствии со своим культурным уровнем, опытом работы в партийных, советских, карательных органах. Из этого тупика выход был только один — ударить репрессиями и по тем, кто искажал «генеральную линию», и по тем, кто выражал недовольство ею.

Во-вторых, следовало дать тем и другим явлениям политические оценки, которые порой совершенно не увязывались друг с другом. Приходилось признавать, что протесты, забастовки, волнения в городе и деревне зачастую вызывались действиями властей и поддерживающего их «актива». Но эти выражения недовольства подрывали общую линию партии и правительства и должны были соответственно квалифицироваться и наказываться. И работники ОГПУ проявляли удивительную изворотливость, чтобы и выявить недостатки, источники недовольства людей, и одновременно дать лояльные характеристики и тому и другому.

В-третьих, обобщая жалобы населения, сведения своих информаторов о безобразиях, бесчинствах, унижениях, пренебрежении нуждами людей, органы ОГПУ имели в поле зрения территорию всей страны и рисковали представить, по существу, негативную оценку режима в целом. Тем самым они вступали на тонкий лед правды, который нельзя было уплотнить никакими ссылками на упущения и провалы местных властей. В то же время ОГПУ исходило из абсолютной «презумпции невиновности» верховной власти, «генеральной линии» партии.

Хотя обобщающие материалы ОГПУ, как и сведения, касающиеся отдельных сторон жизни страны, являлись абсолютно секретными и предназначались нескольким десяткам человек, в этих документах воедино сопрягались правда и ложь, отражение реальной действительности и пропаганда. Вся эта эквилибристика была рассчитана именно и в первую очередь на Сталина.

В течение 1930 г. секретные донесения и записки ОГПУ становились все более содержательными, представляя собой не «односторонний источник», как полагают некоторые историки, а действительно зеркальное отражение состояния дел в обществе. Конечно, долго это продолжаться не могло, и официальная точка зрения на все события «коренного перелома» наложила свой отпечаток. Но это обозначилось уже к концу года, с приходом новых людей к руководству ОГПУ. 1930 год произвел «коренной перелом» и в деятельности ОГПУ. Репрессиям отводилась все большая роль в отношениях власти и общества. Усиливалась и пропаганда, которая эти репрессии оправдывала и обосновывала.

Умонастроения и социальное поведение рабочих Информационный отдел ОГПУ выносит на первый план. С первых месяцев 1930 г. информационные сводки ОГПУ относительно положения и настроения рабочих, по существу, продолжают линию, отмеченную и в прежние годы: тяжелое материальное положение, брожение и недовольство, систематические забастовки. 1930 г. отличается в этом отношении и новыми все более грозными мотивами: объективные обстоятельства переходного послереволюционного периода отягощаются так называемым субъективным фактором: центральная власть осуществляет все более жесткий нажим на права рабочих; местная власть, администрация фабрик, заводов, опираясь на так называемый «актив» из среды рабочих, превращают эту линию в откровенные издевательства над людьми, отсюда — решительные и ярые протесты со стороны рабочих. Это, в

свою очередь, все чаще квалифицируется органами безопасности как «анти-советчина», «вражеские происки» и т.п.

Сводки первых месяцев 1930 г. наполнены данными о недовольстве рабочих в связи с так называемым «уплотнением» рабочего времени, увеличением норм выработки посредством перевода рабочих с меньшего количества станков и агрегатов на большее. Сообщалось о протестах рабочих Ярцевской прядильной фабрики (Ярославский округ) в связи с переводом рабочих на дневную норму выработки с четырех на шесть станков ²². Такие же протесты, отмечается в сводке, характерны и для других регионов страны.

Одновременно сообщается о недовольстве снижением оплаты труда, «ненормальностями» в охране труда, тяжелыми условиями работы на нефте-промыслах, в горнодобывающей, металлообрабатывающей и текстильной промышленности. Отмечаются массовые задержки заработной платы, постоянные обсчеты рабочих ²³.

К этому добавляются удручающие факты о состоянии снабжения: о катастрофической нехватке в лавках рабочих поселков продовольствия и товаров первой необходимости. Действовала карточная система, но продукты «выбрасывались» с большим опозданием и в мизерных количествах. В бесконечных очередях семьи рабочих и сами они проводили долгие часы. С Украины (г. Николаев) поступали сведения о том, что в очередях за промтоварами доходило до драк. Многие из тех, кто преуспел в этих схватках, тут же перепродавали купленные изделия с рук втридорога; за полфунта мяса, полагавшегося в одни руки, люди стояли ночами, «и тех не дают, урезают», — сообщали информаторы. В Иваново-Вознесенске рабочий-мотальщик возмущался: «При Николае все было. А теперь что стало, селедки и то не стало» ²⁴.

Особенно раздраженно рабочие воспринимали предложения пожертвовать часть заработка в порядке каких-либо политических акций, связанных с интернациональной миссией рабочего класса, наподобие отчисления 0,5% месячной зарплаты в пользу бастующих берлинских металлистов. Рабочие отвечали: «Нам самим бастовать нужно... продовольствия нет, ходим голодные, зарплату задерживают». На многих предприятиях рабочие отказывались подписываться на государственный заем «Пятилетку в четыре года». На Батумском заводе рабочие заявили: «Какой может быть новый заем, когда нашего заработка едва хватает на хлеб». А на одной из фабрик на предложение пойти на профсоюзное собрание рабочие дали такой ответ: «Тут не до собраний, когда жрать нечего» ²⁵.

Секретные сообщения ОГПУ отмечали тяжелые бытовые условия жизни рабочих. Из Магнитогорска доносили о таких длинных очередях в столовую, что двести человек остаются вовсе без обеда, о невыносимых санитарных условиях в рабочем питании, повлекших отравление пятисот рабочих. О постоянных и массовых отравлениях сообщается также из других регионов страны. Удручающую картину рисуют информзаписки о положении в московских рабочих столовых. В Бауманском районе в столовой № 98 ножи не выдаются из опасения, что их украдут, чайных ложек нет, рукомойники не работают. В столовой № 236 отсутствуют вилки и ножи; рыбу и мясо приходится есть ложками. В Сокольническом районе в столовой № 1 в связи с отсутствием столовых приборов рабочие едят пищу руками. В большинстве рабочих столовых грязь, обилие крыс, тараканов, мух; котлы грязные и нелуженные, столы не промываются; нередко на них ночью спят сезонные рабочие, не имеющие жилья ²⁶.

Сообщалось, что жилой фонд заводов и фабрик находится в полуразрушенном состоянии; рабочие живут в жалких бараках, избушках, лишенные условий гигиены; в результате в рабочих семьях случаются заболевания холерой и брюшным тифом ²⁷. Высока смертность среди детей.

К этому добавляются сообщения о систематическом произволе администрации, грубом обращении с рабочими, развитии кумовства среди начальствующего состава, о сексуальных домогательствах по отношению к работникам. Информаторы сигнализируют о разложении административного состава,

его стремлении нажиться за счет предприятий и рабочих, о систематическом пьянстве. Такие сведения, в частности, идут в сводках по Сибирскому краю ²⁸.

Убогость жизни рабочих дополнялась вопиющим неравенством в этой нищете. Нижнетагильские рабочие жаловались, что в наступившие ноябрьские холода профсоюзные руководители городских предприятий распределяли на продажу валенки только среди так называемых ударников. Остальные рабочие должны были обходиться в трескучие морозы кто как мог ²⁹.

На лесозаготовках в Северном крае, как сообщали сводки, рабочим не выдали обещанных при вербовке полушубков и валенок, отсутствовало жилье, не хватало продуктов питания, особенно мяса и молока, распространялась цинга. Поэтому часть завербованных рабочих, в том числе комсомольцы, дезертировала с промыслов. Сама вербовка проводилась порой под нажимом, вплоть до угроз арестом в случае отказа. Отсюда уже рукой подать до принудительного труда заключенных. Именно трудности с рабочей силой на лесозаготовках, видимо, и вызвали создание ГУЛАГа в 1930 году.

Как в Северном крае, так и на Украине, в других регионах положение усугублялось снижением и невыплатой заработков, отмечались массовые уходы с предприятий, постоянные прогулы, увеличение количества брака. Рабочие уходили с предприятий в летний период с началом полевых работ на селе, на помощь своим родственникам.

Забастовочное движение имело в основном экономический характер. Рабочие протестовали против плохого снабжения, мучений в очередях, наступления на заработную плату. На рубеже 1929—1930 гг. ОГПУ зафиксировало лишь в текстильной промышленности 66 забастовок, а за первые три месяца 1930 г. — 100 забастовок. Все они были связаны с перебоями в снабжении продовольствием. Осенью на первом месте по количеству забастовок шли металлисты (32 забастовки), на втором — горняки (26), на третьем — текстильщики (22) ³⁰. Эти забастовки были вызваны повсеместной задержкой заработной платы, увеличением норм выработки.

С первых месяцев 1930 г. над страной нависла страшная тень сплошной коллективизации. Отголоски событий в деревне все сильнее ощущались в городе, среди рабочих. Дело заключалось не только в том, что затрагивались интересы родственников, односельчан. Рабочие понимали, что идет наступление на остатки свободы, которой их уже лишали и на предприятиях путем манипуляций с нормами выработки, урезания заработной платы, унижений. Рабочие воспринимали новые страдания крестьянства как свое кровное дело, влияющее и на их жизнь.

В обзорах ОГПУ постоянно упоминается об антиколхозных настроениях среди рабочих. «Колхоз — это та же барщина», — говорил путевой сторож на ст. Сура (Средне-Волжский край). На Украине рабочие называли коллективные хозяйства новой «панщиной». На шахте им. Артема (г. Шахты) помощник машиниста говорил: «Насильно гонят в колхозы, думают получить хлеб; колхозы — это недоразумение. Рабочим придется голодать». На фабрике им. Зиновьева (Иваново-Вознесенск) одна из ткачих заявила, что «колхозы приведут к голодовке, жить стало очень трудно». Железнодорожники на Средней Волге тоже жаловались, что «жить стало невозможно с тех пор, как приступили к коллективизации».

Против колхозов высказывались рабочие Ленинграда. На фабрике им. Коминтерна разговор шел о том, что «колхозное движение создается искусственно путем административного нажима». Выступая в Ленсовете, работница Федорова заявила: «Всех крестьян-тружеников, которые честно работали, выслали в Архангельск, а все лентяи вступили в колхоз и не хотят работать. Всех крестьян обижают на местах сельсоветы, хотя в них бедняки. Мстят тому, с кем были не в ладах. Теперь мы все голодные сидим, а от крестьян ждать нечего». Выступление, по данным информатора, было поддержано одобрительными выкриками с мест ³¹.

Внимание ОГПУ привлекали выступления политического характера — против системы ударничества, соцсоревнования, которую рабочие определя-

ли как «выжимание соков»; против коммунистических чиновников, которые обогащаются за счет рабочих, отдыхают на курортах, обзаводятся хорошими квартирами. Поступали сообщения о том, что рабочие отказываются выходить на демонстрацию и митинги по случаю 7 ноября, выдвигая встречные требования — о выплате в срок заработной платы, решении проблем с продовольствием и снабжением промтоварами. В Москве на Лесопильном заводе рабочий-резчик выступил против системы перевыборов цехового комитета. Он говорил: «Перевыборы — это только маска, под которой коммунисты проводят своих людей. Всюду сплошной обман, сидим голодные, а говорят, что вы сыты. Делайте, что хотите, но не заставляйте нас поднимать руку за свою дурость, не унижайте обманутых»³².

Рабочие сопоставляли факты о жизни трудящихся в СССР и на Западе и приходили к грустным заключениям. В Ленинграде, Рязани из уст рабочих звучали слова о том, что «на Западе живется хорошо... Все врете. Дайте хлеба, продуктов и не морите детей»; «в Германии и других государствах жизнь рабочего гораздо лучше... Не врете нам о Западе».

Систематически на предприятиях появлялись листовки. Информаторы ОГПУ иногда включали их в обзоры. Большинство листовок апеллирует к изолганым лозунгам Октябрьской революции: «Да здравствует новая революция — за освобождение рабочих и крестьян!», «Наша революция болеет; у нас хуже довоенного», «На костях и крови ближнего социализма не построишь», «Долой партийное руководство, долой коммунистов — новую буржуазию!», «Мы должны вернуть 1917 год». В листовках содержатся требования о прекращении коллективизации: «Долой сплошную коллективизацию, колхозы и совхозы! Да здравствует единоличное крестьянское хозяйство!»

Кто виновен в недовольстве рабочих? Это главный вопрос, на который должны были дать ответ в своих обзорах органы госбезопасности. Этот ответ находят без труда. Прежде всего, авторы обзоров подчеркивают, что основная часть рабочих одобряет политику партии и правительства в городе и деревне; более того, рабочие с энтузиазмом поддерживают и ударничество, и соцсоревнование, и встречные промфинпланы, и заем. Одобряют они и «чистку» партийных и советских кадров, которые ответственны за упущения и злоупотребления. Акцент на положительные, с точки зрения власти, явления в рабочей среде особенно усилился с приходом к руководству ОГПУ Ягоды и на Информационный отдел ОГПУ (с середины года) — Запорожца.

После подобных верноподданнических пассажей классической фразой: «но вместе с тем...» вводится общее объяснение причин недовольства рабочих. На первом месте идут плохая организация работ, «недостатки» в снабжении, слабость разъяснительной работы, головотяпство местных органов, низовых звеньев, администрации. Разного рода неполадки и упущения подаются как результат «искривлений»: низы неправильно проводят директивы ЦК в жизнь. Именно так трактовали в ОГПУ, например, недостатки, отмеченные и на заводе «Красный химик» в г. Артеме (Украина), и на лесозаготовках Севера и Сибири, и в других регионах. Представленные Информационным отделом материалы говорят о вопиющем непрофессионализме тех лиц, которые отвечали за жизнь и труд рабочих коллективов.

Сопоставление этих данных с аналогичными обзорами за предыдущие годы создает удручающую картину: к руководству промышленностью приходят малограмотные, тупые, безразличные к нуждам рабочих люди, заботящиеся в первую очередь о личных благах, привилегиях, предоставляемых им системой. Не здесь ли кроется ответ на вопрос: почему репрессивная машина Сталина с такой беспощадностью обрушилась не только на его личных политических противников, но и на огромное число безвестных руководителей всех уровней, которые, по мнению органов ОГПУ, и были ответственны за усиление протестов в рабочей среде?

Одновременно материалы обзоров рисуют быт рабочих, которые спят на столах в грязных столовых, перепродают втридорога доставшиеся им в очередях промтовары, гонят брак, прогуливают, уходят с предприятий раньше

времени, живут ограниченными, примитивными интересами. К этим людям относятся по-скотски, и они платят той же монетой своим предприятиям и своему «начальству», в итоге — своей стране. Ни под какие политические, «антисоветские» действия эти факты, даже при желании, подвести невозможно.

Красной нитью через обзоры проходят разнообразные пропагандистские уловки ОГПУ в объяснении тех безобразий, которые творятся на производстве и вызывают недовольство рабочих. Именно в 1930 г. зарождаются те политические обвинения, которые используются для того, чтобы отправить за решетку, в лагеря, подвергнуть высылке тысячи людей. На первом месте среди причин недовольства рабочих ОГПУ ставит «провокационные слухи» и вредительство, «кулацкую пропаганду», распространяемую «кулацкими антисоветскими элементами», проникшими на заводы и фабрики.

Слов нет, уже в 1930 г. около 200 тыс. бежавших от раскулачивания крестьян осели в городах в качестве пришлых рабочих³³, их настроения находились в резком диссонансе с официальной пропагандой. Но для партийно-советского аппарата жупел кулацких происков стал удобным объяснением неудач экономической политики, страданий и голода рабочих масс. Кругом обнаруживались антисоветские элементы, подслушивались «антисоветские разговоры», разоблачались происки «врагов», «антисоветских группировок». Как правило, в числе «антисоветчиков» оказывались рабочие да женщины в очередях. Сюда же причисляли и тех, кто обирал, обсчитывал рабочих, хотя это были, по сути, обычные жулики, криминальный элемент в составе фабричной администрации. И, конечно, «антисоветскими» считались листовки с обличениями издевательств над рабочими и с требованиями вернуться к идеалам 1917 года. Между тем действительно «антисоветской пропагандой» предстают как раз те политические ярлыки, которыми авторы обзоров клеймили требования и выступления рабочих, еще не забывших лозунги Октября 1917 года, в защиту своих прав и интересов. Эти враги режима подлежали изоляции, высылке, отправке в ГУЛАГ. 1930-й год стал годом действительно «коренного перелома» в отношении к рабочему классу. Его основная масса безропотно приняла новые правила политической игры власти. Наиболее активные, непримиримые протестанты получили клеймо врагов советского строя, и их ожидала тяжелая доля.

Поворот произошел по отношению к крестьянству, что также отразилось в секретных документах ОГПУ³⁴.

Нарисованные информаторами ОГПУ картины сплошной коллективизации поражают своей откровенностью, во-первых, в описании варварского поведения советских и партийных органов, а также сельского «актива». Во-вторых, они отображают такое же варварское поведение самих членов организуемых колхозов. В-третьих, эти документы содержат сведения о начавшейся по всей стране гражданской войне — не между кулачеством и беднотой, а между сторонниками коллективизации и крестьянами-единоличниками, среди которых оказываются как крепкие, зажиточные крестьяне («кулаки»), так и крестьяне-«середняки», крестьянская беднота, бывшие красные партизаны, бывшие красноармейцы. В-четвертых, обращают на себя внимание сообщения о действительно мощных и хорошо организованных военных выступлениях крестьян в защиту своего имущества и своих прав. Эти выступления органы ОГПУ квалифицируют как антисоветские, хотя они были направлены именно против насильственной коллективизации и связанных с этим преступлений против личности и собственности.

Январские обзоры ОГПУ отмечают неразбериху, неготовность местного советского аппарата к проведению сплошной коллективизации, игнорирование низовыми работниками местных условий, слепое исполнение директив, головотяпство и «перегибы», которые граничат с преступлениями. Принуждая к вступлению в колхозы, они угрожали крестьянам «сослать в Соловки», арестовать, «перевести в кулацкие хозяйства» и т.п. Последняя угроза показывает, что местные власти руководствовались не объективным имуществен-

но-социальным критерием, а бюрократическим — за или против коллективизации был тот иной крестьянин ³⁵.

Именно так с первых дней 1930 г. руководство страны и лично Сталин нацелили партийные и государственные органы и подготовились к ожесточенному сопротивлению. 1 января Сталин в телеграмме Молотову требовал «наметить более короткие сроки коллективизации по основным хлебным районам». Своими постановлениями ЦК и Политбюро требовали самых жестких мер. В соответствии с этими требованиями ОГПУ в январе 1930 г. наметило репрессивно-административные меры в отношении кулачества, в частности создание лагерной системы, и определило количество войск РККА и ОГПУ, необходимых «для обеспечения операции» ³⁶.

После этого весь год в центр поступали донесения о начавшихся репрессиях против несогласных, об изъятии у крестьян всего имущества, вплоть до носильного белья, об издевательствах, избиениях, изнасилованиях, пытках, применяемых по отношению ко всем категориям крестьянства. Приводятся случаи, когда представители власти и колхозные активисты заставляли противников вступления в колхоз плясать до обмороков, обливали их на морозе ледяной водой, душили ремнем. Из с. Усть-Инзы (Пензенский округ) сообщали, что там при раскулачивании крестьянина Имагулова «в час ночи на мороз была выселена из дома вся семья. Замерз ребенок, обморожена большая сноха Имагулова (прошло два дня, как родила)». Из Вологодского округа — о том, что Кадниковский горсовет запретил ЗАГСу регистрировать браки между детьми бедняков и кулаков ³⁷.

Повсюду «раскулачивание», распространявшееся и на бедняков, несогласных с начавшейся кампанией, сопровождалось мародерством. Изымаемое имущество, деньги нигде не учитывались и делились между односельчанами: в каждом селе шел казачий дуван времен «разинщины».

Крестьянство насмерть стояло за свою собственность. Особенно яростная борьба шла в хлебоборных районах юга — на Кубани, в Ставропольском округе, на Украине, Северном Кавказе. Восстания, волнения, антиколхозные крестьянские собрания отмечены по всей стране, особенно в феврале—марте. С 1 января по 15 апреля ОГПУ сообщало руководству страны о 27 «кулацких восстаниях» с числом участников около 25 тыс. человек ³⁸, о борьбе с так называемыми бандформированиями. Осенний доклад секретного отдела ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестану, донесения о положении в Чечне, Карачаево-Черкесии, Закавказье напоминают фронтовые сводки. Основная линия борьбы — разгром советских учреждений, грабежи, взятие заложников, террор, взрывы на железных дорогах, мостах. Повстанцы, в их числе середняки и бедняки, недовольные коллективизацией, уходили в леса и горы, формировали полки, взводы, группы со своими «штабами», «главкоммами», создавали оружейные мастерские, продовольственные базы и т.п. Волнения происходили под Москвой, Брянском, Курском, Ярославлем, Тверью, Вязьмой, Тулой, на Украине. Крестьяне выступали против коллективизации, арестов, запугивания. Сообщалось об актах террора, поджогах, отравлении колодцев керосином и т.п.; отмечалась особая активность женщин. В Сибири, на Дальнем Востоке в вооруженные отряды вместе вступали бывшие красные партизаны, середняки и бедняки, «разложившиеся» и «окулачившиеся», по терминологии органов безопасности.

В с. Зыбине (Харьковский округ) крестьяне заявили: «Мы не вступаем в коллектив потому, что знаем — нашим имуществом будет пользоваться беднота. Лучше мы организованно истребим свои хозяйства, сожжем имущество, чем отдадим этим лентяям». В Черниговском округе бедняки высказывались в таком же духе: «Коллектив — это рабство... я имею маленькое, но свое хозяйство, и вот меня делают рабом и загоняют в коллектив» ³⁹. Средняк из станицы Елизаветинской (Кубань) говорил: «При объединении с бедняцкими колхозами труд, затраченный нами, пропадет — лодыри сядут на наши хозяйские плечи».

«Вы спрашиваете, чем в нашей местности народ дышит, — говорилось в перлюстрированном письме из Белоруссии, — так я вам отвечаю, что он

дышит тем, чтобы не было советской власти, чтобы была война»⁴⁰. Этот мотив — надежда на войну как способ избавиться от всех бед: голода, коллективизации, арестов, насилий и т.п. нередко звучит в крестьянских письмах, находит отклик и в городе. В сентябре военнотружашему в Московский гарнизон писали: «Нового пока что нет, все ждем каждый день смены и перелома, но, видно, нас гнут и гнут в бараний рог, не знаем все крестьяне, что и будет, повернули бы вверх дном», «мы нажили каторгу, а не жизнь», «настроение народа звериное»⁴¹.

Крутой поворот в жизни крестьянства отозвался острым недовольством и в городах. В первую очередь это относится к предприятиям центральных промышленных округов, но особенно к московским заводам и фабрикам. Участники рабочих собраний протестовали против коллективизации. Информаторы подчеркивали, что все рабочие в той или иной степени были связаны с деревней. На предприятиях Москвы тайные агенты ОГПУ отмечали «факты кулацких настроений среди рабочих». На фабрике «Пролетарка» в Тверском округе рабочие говорили: «Советская власть не уничтожает кулака, его нет, а уничтожают образцовые крестьянские хозяйства».

Уже в первые месяцы 1930 г. позиции крестьянства четко определились: значительная его часть, включая так называемых кулаков, середняков, бедняков, бывших участников гражданской войны на стороне красных, активно выступила против коллективизации. Страна вступила в состояние скрытой гражданской войны. Напряженное положение создалось на промышленных предприятиях в центре России, нити этого недовольства тянулись в армейские подразделения. Все это отразили в своих секретных документах работники Информационного отдела ОГПУ.

Понимая, что подобная картина является абсолютно реальной, работники ОГПУ стремились смягчить это впечатление. Подчеркивалось, что «основная масса середнячества и бедноты к коллективизации относится положительно», а антиколхозные настроения крестьян объясняются слабой разъяснительной работой и кулацким влиянием⁴². Тем самым органы ОГПУ ставили свои донесения на официальную идеологическую основу, предоставляя руководству страны самому решать вопрос о политическом курсе.

Одновременно органы ОГПУ докладывали о принятых мерах. Ягода в записке от 15 марта сообщал Сталину о «принятии ряда мер» (то есть о репрессивных и военных действиях), а также «изжитии» недочетов в работе местных организаций. За 1 января — 15 апреля было арестовано 140 724 человека; 15 апреля — 30 сентября — еще 142 993 человека⁴³.

Исследователей, работающих с материалами серии «Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране» интересует вопрос, какова была реакция Сталина, руководителей страны на информационные материалы ОГПУ. Свидетельств такой реакции в виде резолюций, указаний нет. В то же время ряд политических акций, предпринятых руководителями партии и правительства и лично Сталиным, указывает на то, что они зорко следили за развитием событий. Свидетельством тому, в частности, стало появление 2 марта статьи Сталина «Головокружение от успехов». Сталин отметил впечатляющие успехи начавшейся сплошной коллективизации, в частности, писал о том, что к 20 февраля коллективизировано 50% крестьянских хозяйств и более чем вдвое перевыполнен пятилетний план коллективизации. «Коренной поворот деревни к социализму можно считать обеспеченным», — утверждал вождь. Он отечески журил перестаравшихся местных работников за перегибы, «перепрыгивание» к коммуне, повальное обобществление всего и вся, бумажно-бюрократическое декретирование, нажим и угрозы по отношению к крестьянам, за забегание вперед; призывал к соблюдению порядка, законности, добровольности в колхозном движении, учету региональных особенностей.

Идеологической риторикой в статье прикрыта озабоченность сложившимся напряженным положением, стремление успокоить рабочее-крестьянскую массу. Сталин советовал партийным и советским работникам «вести

борьбу на два фронта — и против отстающих (!) и против забегающих вперед». Совет был адресован тем самым людям, которые по инициативе руководства страны и при поддержке «низового актива» осуществляли «коренной перелом» указанными им методами и в намеченные сроки ⁴⁴. Это означало одно: предоставить продолжать начатое дело все тем же людям, которые после грозного окрика сверху — немного озабоченные и растерянные — с удвоенной энергией принялись за прежнее, потому что других методов не ведали. Сторонники сплошной коллективизации не понимали, какие претензии предъявляет им их вождь и учитель, если сам он нацеливал их в конце 1929 г. на решительный революционный бой против кулачества, за утверждение социалистических начал.

ОГПУ заверяло вождя, что, конечно, «основная масса правильно реагирует и понимает политику партии и советской власти», но вместе с тем местные работники выражают сомнение: «зачем надо было давать отбой», разве «виноват стрелочник», «мы и старались, лишь бы было больше [коллективизированных хозяйств]». Среди местных организаций чувствуется растерянность, кое-кто называет статью Сталина капитулянтской. В Северном крае доходило до обвинения Сталина в правом уклоне, из Ярославского округа сообщали о заявлении одного из председателей местных советов: «К черту сталинскую статью, нам нет времени этим заниматься» ⁴⁵. Это был ответ той самой неукротимой, стремящейся к уравниловке массы, для которой были открыты все шлюзы призывом Сталина к «коренному перелому».

Но скоро стало очевидно идеологическое лицемерие статьи Сталина. В связи с ее публикацией характерная ситуация сложилась, в частности, в Московской области, включавшей в тот период территорию Калужской, Тульской, Тверской, Рязанской областей. Секретарь областного комитета ВКП(б) К.Я. Бауман добился в конце 1929 г. обобществления 25% крестьянских дворов; затем в области началась конъюнктурная погоня за повышением этого процента. Тула, Рязань и другие центры вызывали друг друга на социалистическое соревнование — кто даст выше процент коллективизированных хозяйств. К марту 1930 г. местным органам было предложено довести показатель до 75%. Цель была достигнута с помощью приписок, создания фиктивных, «бумажных» колхозов, откровенного нажима на крестьян, угроз. Местные власти боялись попасть в число «правых уклонистов» и всячески форсировали обобществление хозяйств. Кашинский райисполком издал приказ о коллективизации всего района в 24 часа, Сонковский — о завершении коллективизации к 20 февраля. В приказе, в частности, говорилось: «Невыполнению заданий — оправданий нет. Не выполнивших предавать суду в 24 часа». А далее, как сообщали органы ОГПУ руководству, по всей Московской области начались аресты всех не желавших вступить в колхозы, в том числе середняков и бедняков; применялись и экономические санкции, включая прекращение отпуска товаров в местных лавках. При этом обобществлялось все вплоть до колеса и веревки. В одном из районов усердные коллективизаторы собирали семенной фонд мукой, пока им не разъяснили, что мукой не сеют и делать этого не надо ⁴⁶.

После статьи Сталина колхозы в Московской области, как и в других регионах, стали разваливаться, ретивые радители колхозного движения приуныли, Бауман был освобожден от работы и на его место назначен Л.М. Каганович с сохранением за ним должности секретаря ЦК ВКП(б). В декабре 1930 г. он выступил на пленуме МК ВКП(б), где дал следующую установку: «Бороться с перегибами, но в том-то весь фокус, все искусство марксистско-ленинского большевистского руководства, чтобы суметь без перегибов, но удвоить и утроить коллективизацию» ⁴⁷.

Теперь все становилось на свои места. Гонка за процентами продолжалась. Этот «фокус» заключался в том, чтобы дать некоторую передышку, успокоить людей, расколоть ряды недовольных и вновь приняться за прежнее: ведь в статье Сталина не говорилось об ослаблении темпов коллективизации. Каганович это понял. Нажим продолжался. Становилось все более очевид-

ным, что речь идет не о борьбе против кулачества, а о всех крестьянах, выступающих против коллективизации. Именно их давили экономически, зачисляли в «классово чуждый элемент», а селения, не желавшие организовывать колхозы, объявляли «злостными селениями». Врагами советской власти становились все единоличники, независимо от экономических характеристик их хозяйств. Не случайно партийные работники давали директивы: «Того середняка, который не выполняет наш план, мы будем сажать». Эту линию одобрил в начале июля XVI съезд ВКП(б), нацеливший организаторов коллективизации «закрепить достигнутые успехи»⁴⁸.

Разгром российской деревни продолжался. Сведения о дальнейших безобразиях, «перегибах», преступлениях на этой почве продолжали поступать из всех регионов. Ситуация, сложившаяся в Московской области, лишь иллюстрирует общую тенденцию «коренного перелома»⁴⁹.

Важную роль в процессе коллективизации сыграла армия. И до опубликования статьи Сталина, но особенно после временной «передышки» войска использовались при подавлении сопротивления крестьян. Органы ОГПУ, выступившие организаторами привлечения войск, подготовили серию справок, посвященных «ошибкам» в действиях частей Красной армии. Оказывается, «отдельные части поняли свою задачу помощи гражданским организациям как непосредственное участие военнослужащих при проведении раскулачивания». Действия военных приняли «массовый и затяжной характер», а сами они «допускали самые безобразные, преступные явления». К примеру, 243-й стрелковый полк, расквартированный в г. Медыни, получил от местных властей приказ «брать все, брать до последней тряпки». И красноармейцы истово его выполняли: придя в село забирали у крестьян действительно все «вплоть до одеял из-под детей». Местные работники при этом разрешали красноармейцам делить между собой часть вещей. Подобное «раскулачивание» сопровождалось насилием, избиениями, закрытием церквей, в одной из которых (Петровский сельсовет, Брянский округ) «победители» устроили танцы. В с. Песковатке (Острогожский округ) военком 1-го запасного кавполка выделил отряд в 100 сабель «для изъятия имущества». В справках отмечается, что нередко захваченное имущество делилось между партийными и советскими работниками. Разгоняя многочисленные «толпы», насчитывавшие до 3 тыс. человек, войска стреляли поверх голов; производились аресты⁵⁰.

Однако органы безопасности были озабочены негативной реакцией красноармейцев на эксцессы коллективизации. В одном из перлюстрированных писем красноармеец описывал свое участие в раскулачивании: «Здесь нам приходится сталкиваться с боевой обстановкой. Уничтожать кулака как класс, очень много арестованных, приходится ликвидировать банды. Я вижу, как приводят крестьян, и у меня сердце разрывается. Ничего не поделаешь, приходится молчать»⁵¹.

Секретные материалы ОГПУ показывают состояние организуемых колхозов. По существу, речь идет о цивилизационном уровне народа в эти трагические для него месяцы. Информаторы сообщают о низкой производительности труда во вновь создаваемых коллективных хозяйствах, слабой трудовой дисциплине, склоках из-за дележа конфискованного имущества, повальном пьянстве. «Коммуна наша вся распалась, — говорится в перлюстрированном письме нижегородца, — получился в ней большой скандал, все ругались и упрекали друг друга, кто сколько съел кулацкого мяса, масла, яиц и молока, а также, кто что износил из кулацкой одежды и обуви». Из Нижневолжского края сообщалось: «У нас в колхозе каждый день дерутся да косами режутся, да топорами рубятся, а когда выехали убирать хлеб, то косами перерезались и все разбежались. И вот поэтому мы не хотим там [в колхозе] быть»⁵².

По донесениям информаторов ОГПУ, особенно неприглядную роль играли так называемые 25-тысячники — рабочие, присланные из крупных промышленных центров помогать в организации колхозов. В основном это были рабочие московских заводов. Сталин характеризовал 25-тысячников как «лучшие кадры из промышленных центров»⁵³. Иные оценки на сей счет дают

информаторы ОГПУ. В большинстве своем, по их данным, это были политически слабо развитые люди, совсем не пригодные для работы в деревне в качестве авангарда коллективизации, немало среди них было прогульщиков, людей, отличавшихся рваческими наклонностями. Прибыв в сельскую местность, 25-тысячники действовали с «перегибами», злоупотреблениями, применяли репрессии, арестовывали отказывающихся вступать в колхозы, и середняков бедняков, пытались вместо колхозов создавать коммуны; отличались грубостью, устраивали мордобой, пьянствовали, присваивали конфискованное имущество, колхозниц принуждали к «половому сожительству». Из Сибири, со Средней Волги, из Казахстана сообщалось о пьянстве среди присланных рабочих Москвы и Ленинграда, приставании к женщинам, командных методах организации колхозов. В качестве характерного примера приводится факт по сибирскому с. Нахрушеву. Здесь председатель коммуны «Искра», член ВКП(б), некто Рубен, заявлял односельчанам: «Раз я приказываю, то ты должен делать, хоть в воду или в огонь лезть, а иначе пуля в лоб». «Эти 25-тысячники, это такая сволочь, — писал автор перлюстрированного письма из деревни, — которые приехали не для проведения новой культурной жизни, а для наживы и захвата того добра, что отбирают у крестьян»⁵⁴. Самых этих 25-тысячников на местах устраивали плохо, не предоставляли им жилья, зачастую они сидели без пайков; сталкиваясь с нежеланием крестьян идти в колхозы, многие из них отчаивались и уезжали обратно, были случаи самоубийств.

Также и в совхозах рабочие страдали от плохого снабжения, задержек с заработной платой, тяжелых жилищных условий; им приходилось жить в вагонах, ночевать на нарах или вообще под открытым небом. Такие условия заставляли рабочих покидать вновь созданные совхозы и возвращаться в город. Все это противоречило пропагандистским статьям в газетах, выступлениям Сталина, Кагановича и других руководителей.

В разделе о настроениях интеллигенции и служащих сводка ОГПУ 6 февраля 1930 г. отмечала «советизацию интеллигенции, особенно технической». А далее, как и в разделах о рабочей среде и деревне, следуют «но» и свидетельства о недовольстве значительной части интеллигенции и служащих положением в стране, и в первую «коренным переломом». Отмечаются «антисоветские настроения» в оценке аграрной политики⁵⁵. Отношение интеллигенции к коллективизации ОГПУ тут же увязывало, как «антисоветчину», с влиянием извне, давлением «империалистических держав»; отсюда уже один шаг обвинений в шпионаже, что уже и практиковалось начиная с процесса Промпартии.

Каковы же, по данным ОГПУ, основные «антисоветские» очаги в среде интеллигенции и служащих? Это различного рода общества, организация всевозможных общественных диспутов, «кафедры учебных заведений и прессы», а также научно-исследовательские институты, особенно системы Академии наук СССР⁵⁶, в которой руководство захвачено «чуждыми советской власти людьми». «Очагами» считались и Государственная академия художественных наук (ГАХН), краеведческие организации, музеи, литературная среда, охваченная «пильняковщиной», театры, особенно ставившие пьесы «пресловутого Булгакова» с их «идеализацией наших классовых врагов».

По существу, ОГПУ очертило весь фронт идеологической борьбы в сфере культуры и науки и наметило план репрессивных действий. В изображении ОГПУ на первом месте в ряду «антисоветских» и «контрреволюционных» действий интеллигенции и служащих протесты против коллективизации. Затем идут обвинения во «вредительстве», в критике советской кадровой политики «выдвиженчества». Какие-то действительно антисоветские, контрреволюционные программы в этих обвинениях трудно найти, как и в отношении рабочих и крестьян. Но репрессивная машина против интеллигенции в целом набирала ход.

Примеры «антисоветских выступлений» интеллигенции показательны. Они отражают всю убогость социалистических взглядов и власти, и тех, кто ее активно поддерживал, и, собственно, показывают, по каким линиям будет

подвергаться коррозии, а затем и рушиться «социализм» в СССР в ходе демократической революции 1989—1993 годов.

Профессура вузов проявляет недовольство проводимой реформой высшего образования с ее резко выраженной идеологической направленностью, в частности, введением курса марксизма-ленинизма, форсированием подготовки научных кадров за счет «выдвиженчества», фабрикацией различного рода «измов», подобных травле экономиста Н.Д. Кондратьева, преследованию философа А.Ф. Лосева — за его «антисоветские выступления», которые сводились к тому, что он говорил об «условиях дикой страны»⁵⁷.

Такие выступления отмечались в Институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова, в Московской горной академии, в МГУ, в Томском университете, Одесском медицинском институте и других вузах. Профессор Томского университета Галахов взывал: «Товарищи, оставьте нас в покое и не мешайте работать». Профессор Киевского строительного техникума Крыжановский говорил: «Я никогда не решился бы ездить по мосту, построенному инженером из рабочих» (по поводу скороспелой подготовки специалистов и «выдвиженчества»). Профессор Ковалевский из того же техникума, объясняя студентам смысл алгебраических скобок, заметил: «Скобки — это большевики, нарушившие общий порядок. Если бы не было этих скобок — большевиков, задача была бы решена». На замечания студентов, что большевики не нарушили, а установили порядок, Ковалевский возразил: «Большевики упразднили старую и установили новую систему господства. Иерархия подчинения начиналась раньше от генерала и кончалась нижним чином, а у большевиков все подчиняется нижним чинам». Социализм — это «чистейшая утопия», утверждал профессор одесского Института народного хозяйства Покровский⁵⁸. Таких примеров материалы ОГПУ содержат немало.

Особо выделяло ОГПУ положение среди украинской интеллигенции. Подвергся разгрому ряд ее организаций, якобы ставивших целью «свержение советской власти и создание буржуазной украинской народно-демократической республики». К «антисоветским» проявлениям настроений украинской интеллигенции были отнесены и протесты против сплошной коллективизации: «На селе больше половины крестьян против советской власти»; «Везде грабят крестьянина, служащего и рабочего... За границей нас боятся как чумных». Наступление на кулака в кругах украинской интеллигенции расценивалось как «поход на лучшую часть национально-сознательного крестьянства», удар по кулаку — как удар по Украине⁵⁹.

ОГПУ докладывало о принятых мерах — ликвидации наиболее серьезных «антисоветских» организаций интеллигенции. Среди них «Союз хлеборобов» в Ростове-на-Дону, стремившийся к «восстановлению всех хлеборобов (крестьян и казаков) в гражданских правах... свободе вероисповедания, свободе слова, печати и собраний... отмене насильственной коллективизации... широкому развитию частной торговли и промышленности». Арестованные по этому делу дали показания, что они поддерживали «правый уклон» в ВКП(б), готовили террористические акты, в частности, взрыв в театре во время заседания там с участием членов правительства, а также террористический акт против Сталина. В дальнейшем подобного рода обвинения в терроризме, покушениях на Сталина, основанные на показаниях заключенных, стали традиционными для ОГПУ и НКВД. 1930 год создал в этом смысле зловещий прецедент. В других «меморандумах» сообщалось о разгроме контрреволюционных организаций молодежи на юге страны, в Сибири, в Москве, ставивших целью «реставрацию власти буржуазно-помещичьего блока», возрождение некоего «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В «меморандумах» изложены материалы признательных показаний заключенных. Здесь же указаны и санкции: заключение в концлагерь сроком на пять лет, ссылка в Северный край на три года и т.д.⁶⁰ Сроки пока сравнительно невелики. Но начало «большому террору» положено.

Сводку от 10 октября 1930 г. о настроениях инженерно-технического состава промышленности Информационный отдел ОГПУ начинает с дежур-

ной фразы о том, что недавнее обращение ЦК от 3 сентября 1930 г. по поводу выполнения промышленно-финансового плана (с призывами к встречным планам, разворачиванию социалистического соревнования, ударничества и т. п., то есть, по существу, по вопросу об интенсификации труда) «вызвало большой подъем и трудовой энтузиазм среди рабочих масс Союза». Но потом приводятся сведения о протестах против этих самых встречных планов, ударничества, соцсоревнования в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Нижегородском и Западном краях, в Сибири, на Северном Кавказе ⁶¹. Протесты увязываются с плохой оплатой, «кабальным характером» труда, увеличениями норм выработки, нехватками продовольствия и товаров широкого потребления.

В Ленинграде на фабрике им. 1 мая служащие и рабочие говорили: «С каждым днем усиливается эксплуатация рабочих, скоро будем работать, не выходя с фабрики. Возвращаемся к царским временам». На собрания в поддержку Обращения ЦК вместо сотен человек, работавших на предприятиях, приходили лишь несколько десятков. Цитировалась листовка, распространявшаяся в Твери: «Мы подышаем с голоду у станков свободной страны... Жулики, растратчики, мерзавцы, вот наши губители русского народа». ОГПУ давало свое объяснение недовольства: влияние «антисоветски настроенных», «прокулацких» элементов ⁶².

Вину за срыв снабжения органы госбезопасности перелагали на самих же служащих, на местные органы. В справке «Об искривлении классовой линии в работе и разложении советского и партийного аппарата и хозорганов в Прокопьевском районе Кузнецкого округа» говорится о пьянстве, бесхозяйственности, злоупотреблениях в аппарате местного «потребобщества», обворовывании рабочих, использовании их на личных работах, задержке им заработной платы. «Если выдать заработную плату, то вы все разбежитесь», — заявлял один администратор на лесозаготовках в Красноярском крае. Справка отмечает случаи, когда рабочий день тянулся неограниченно, рабочие не имели дня отдыха, жили в бараках без сушилок для одежды, в антисанитарных условиях. Уполномоченный лестреста грозил: «Если кто-нибудь из рабочих попытается уйти с работы, то на месте будет расстрелян» ⁶³. ОГПУ усматривало в этом признак «засоренности» кадров служащих, необходимость «чистки».

Армия неизменно пользовалась вниманием органов госбезопасности. Ее состояние в 1930 г. выглядело безрадостно. Если прежде в основном отмечались злоупотребления командного состава (красноармейцев обворовывали, использовали для услужения и на хозяйственных работах в личных целях и т. п.), то в 1930 г. акцент переместился на политические настроения. Из сводок видно, во-первых, что армия по отношению к сплошной коллективизации практически раскололась: одна ее часть, привлекаемая к раскулачиванию, по существу, насильничала и мародерствовала (это создавало проблемы для власти, но решимость и грубая устремленность красноармейских частей помогала добиться основной цели — загнать крестьян в колхозы); зато другая ее часть сочувствовала страданиям крестьянства. Перлюстрация сотен тысяч писем показала, что 52% армейского состава поддерживало сплошную коллективизацию, но 48% выступало против ⁶⁴, что едва ли представляло сюрприз для власти, так как большинство красноармейцев мобилизовалось из деревни или было тесно с ней связано. Во-вторых, армия также раскололась по вопросу об отношении к армейской службе, армейским порядкам. 51,6% красноармейцев оценивали пребывание в армии положительно, а 48,4% — не хотели служить.

Осенью 1930 г. обзоры о состоянии армии составлялись каждые несколько дней. Красноармейцы, судя по этим материалам, жаловались на постоянное унижение личности, издевательства со стороны командиров, тяжелые бытовые условия («служба плохая, кормят плохо»). Особое возмущение красноармейцев вызывала вербовка осведомителей для тайной слежки за своими товарищами ⁶⁵.

Вот характерные выдержки из красноармейских писем: «Я, наверное, не переживу этой б... жизни, у меня уже не хватает сил дальше существовать,

даже такие мечты находят, чтобы покончить жизнь»; «Да, когда я выйду из этой проклятой армии, век не забуду те прелести, которые мне предоставило рабоче-крестьянское правительство». Во многих письмах содержатся обещания расправиться с командирами, особенно в случае войны. Война как возможное средство избавления от установленных в стране порядков пронизывает настроения части крестьянства и красноармейцев ⁶⁶.

Характерна докладная записка ОГПУ Сталину о состоянии армии, в частности, авиачастей. Ягода писал в ней о том, что за 1928—1929 гг. в военной авиации выбыло из строя вследствие аварий, пожаров и других причин более 500 боевых самолетов. В числе причин этих потерь он называл бесхозяйственность, низкую дисциплину, неудовлетворительное противопожарное оборудование и плохую охрану аэродромов и ангаров, негодный подбор инструкторского состава ⁶⁷.

По данным ОГПУ, вооруженные силы СССР в 1930 г. представляли собой разношерстный по настроениям общественный организм, его отношение к власти беспокоило органы госбезопасности. ОГПУ опутывало армию, как и общество в целом, своей агентурой, ставило ее под жесткий секретный контроль. 1930-й год был в этом смысле, видимо, также годом «коренного перелома».

Материалы Центрального архива ФСБ, относящиеся к Красной армии, рисуют типичную для страны картину: с одной стороны — наивная вера людей в несбыточные идеалы, с другой — система унижения низестоящих вышестоящими, варварские отношения между самими представителями народа, выходцами из среды рабочих и крестьян.

Раздел «Антисоветские выступления» венчает общую картину положения в стране в 1930 г., созданную секретными донесениями ОГПУ. Под эту рубрику подводятся и вооруженные выступления, мятежи, и деятельность тайных, действительно антисоветских, организаций, и массовые выступления женщин против голода и разного рода нехваток, и митинги рабочих, крестьянские сходы, и застольные беседы в частных компаниях, участники которых критически оценивают политику партии и правительства.

В обобщающих записках, посвященных крупным антиправительственным акциям, куда, однако, приплюсовываются и сведения агентуры о частных разговорах, ОГПУ не скупится на четкую политическую квалификацию: это враги, подлежащие уничтожению, хотя зачастую в лозунгах, под которыми шли недовольные, нет и следа так называемой антисоветчины. Это преимущественно идеи социальной справедливости, уважения к простому человеку, пролетарию и крестьянину, которые были написаны на знаменах Октябрьской революции и декларативно звучали в документах партии и правительства.

С весны 1930 г., то есть со времени начала «коренного перелома», тревожные сигналы поступали с разных концов страны. Ответные меры ОГПУ, решительные и жесткие, по существу, возвращали страну к практике «военного коммунизма».

Обострилась обстановка в Чечне. Как докладывали информаторы ОГПУ, там активизировалось кулачество, шло и «объединение всех видов контрреволюционных, бандитских и духовных авторитетов и лидеров». Готовились вооруженные выступления, участились случаи террора, ограблений, похищения людей. К обычным уголовным преступлениям добавились выступления против коллективизации и наступления на мусульманскую церковь. Для стабилизации положения в Чечню были введены стрелковая дивизия, кавалерийская бригада, мобилизованы местные гарнизоны. В Ингушетию также введены пехотный и кавалерийский полки ⁶⁸.

В марте 1930 г. записка ОГПУ отмечала рост вооруженных выступлений в Бурят-Монголии. «Банды» арестовывали коммунистов, нарушалась телефонная связь с некоторыми районами. В Казахстане, в Усть-Каменогорском и Семипалатинском районах, «бандиты» взяли за оружие под лозунгами «Долой грабежи и колхозы, да здравствует свободный труд!» В донесении

говорится о боях в этих районах, о десятках убитых, о захвате в плен около 600 мятежников ⁶⁹.

3 марта 1930 г. датирована записка на имя Сталина и Ворошилова о движении в четырех селах Барабинского округа в Сибири, где взяли за оружие до 1000 человек, разогнали колхозы, арестовали и избивали местных «активистов». 5 марта поступили донесения о выступлениях в Одесском округе, 11 марта — о выступлениях в Грузии, Армении, Азербайджане и 15 марта — в Центрально-Черноземной области, где за два с половиной месяца произошло 205 выступлений с 83 тыс. участников (раскулачивание, как говорится в документе, сопровождалось там насилиями, издевательствами, арестами людей, захватом имущества и дележом его среди бедноты и местных работников) ⁷⁰.

Участились выступления на Украине и Северном Кавказе. На Украине за три последних месяца 1929 г. произошло 22 выступления с 3150 участниками, а за первые два месяца 1930 г. 127 выступлений с 34 645 участниками. На Северном Кавказе за последние три месяца 1929 г. органы госбезопасности зарегистрировали 36 выступлений с 6795 участниками, а за январь—февраль 1930 г. — 102 выступления с 31 620 участниками. Аналогичные тенденции отмечены по Нижегородскому, Средне-Волжскому и Нижне-Волжскому краям, на Урале, в Московской и Ивановской областях, в Северном и Дальневосточном краях, в Западной и Ленинградской областях ⁷¹, в БССР, Башкирии, Татарии, в Крыму, Узбекистане, Дагестане. Повсюду причины восстаний, в которых в общей сложности участвовали сотни тысяч человек, одни и те же — так называемые «перегибы» при раскулачивании и организации колхозов.

В апреле ОГПУ докладывало о волнениях в тех же регионах. Причина та же: выступления против сплошной коллективизации. Характерны в этом смысле данные по Дагестану, где массовые волнения начались на почве «перегибов», попыток «форсировать колхозное строительство, тракторизацию и т.д.». Вооруженный отряд в 500 человек разогнал местные органы власти, создал шариатский совет, шариатский суд. Во главе отряда встал бывший красный партизан В. Дойгаев. Повстанцы выступали за отмену коллективизации, возвращение отобранных у мусульманской церкви вакуфных земель, прекращение преследования духовенства. В Дагестан были брошены воинские части.

В Закавказье, в частности, в Азербайджане, в апреле развернулись бои. В записке ОГПУ сообщается, что «отряд наших войск с боем прошел шоссе Белоканы—Лагодехи, очистив шоссе от баррикад и прочих заграждений». С Украины доносили о разгроме «Народной революционной социалистической партии», состоявшей преимущественно из крестьян-середняков, бывших красных партизан и демобилизованных красноармейцев. Боевая дружина партии состояла из 30 человек. Своей задачей партия считала не реставрацию капитализма, «а в восстановление подлинной советской власти, с лозунгами первых дней Октябрьской революции», свержение власти «кучки диктаторского Сталинского ЦК» и создание демократической республики с «народными революционными» советами, с предоставлением свободы всем политическим партиям, кроме буржуазных, с уравниванием в правах рабочего класса и крестьянства. Власть в СССР, гласила программа этой организации, находится в руках верхушки коммунистической партии и рабочей аристократии, диктатура партийной бюрократии свела демократию на нет. Индустриализация ведет к разорению крестьян и кустарей, насильственная коллективизация сопровождается обнищанием деревни, рабочий класс находится в полуголодном состоянии ⁷².

Характеристика положения рабочего класса и крестьянства в 1930 г., изложенная в этой программе, полностью соответствует секретным материалам ОГПУ. Людей арестовывали, расстреливали за то, что они формулируют откровенно те же мысли, основанные на тех же фактах, которые имеются в секретных записках органов безопасности.

В июле, а затем в сентябре 1930 г. ОГПУ представляет все новые серии записок, докладов, рапортов о борьбе с антисоветской деятельностью на территории страны. В сфере внимания органов госбезопасности все те же регионы, о которых шла речь выше. Отдельные страницы в своих секретных обзорах ОГПУ посвящает женщинам. Особая справка от 25 августа касается «отрицательных моментов в настроении женской части населения города и деревни». Речь идет о «массовых выступлениях» женщин на почве антиколхозных настроений, продовольственных затруднений и религиозных настроений. Приводятся и конкретные примеры. В Москве на фабрике им. Ногина во время собрания об организации «ударничества» женщины кричали: «Давай мыла, мяса, хлеба, довольно так работать». С собраний они уходили занимать очереди за продуктами; в очередях за картофелем, хлебом, овощами не скупились на резкие слова по адресу властей⁷³.

Во многих районах страны именно женщины, обозленные голодом и нехватками, издевательствами и насилием над людьми, в том числе над детьми в ходе коллективизации, осквернением религиозных святынь со стороны властей и «активистов», выступали в первых рядах сопротивления. Женщины отстаивали неприкосновенность церковного имущества (Нижний Новгород, поселок Молитовка); в знак протеста бросали работу (Москва, фабрика «Красный Октябрь»), митинговали на биржах труда (Курск: «Довольно коммунистам жиреть, а нам подыхать с голоду»). В деревне выступления женщин приобретали по сравнению с 1928—1929 гг. все более антиколхозный характер. Согласно спецсводке за 1930 г. по восточным районам страны, там произошло 238 организованных выступлений женщин (4360 участниц). Всего же по СССР из почти 9 тыс. антиправительственных выступлений около 3 тыс. приходилось на долю женщин. Районы, охваченные массовыми выступлениями женщин, в сводках ОГПУ называются «пораженными районами»⁷⁴.

Сообщения об открытых выступлениях против политики партии и правительства — одна из секретных информационных линий ОГПУ. Другая линия — информация секретных осведомителей о так называемом вредительстве. После процесса над Промпартией и расправы с «буржуазными специалистами» психоз вредительства проник во все сферы общества, давая возможность руководству страны провалы своей политики списать на происки врагов народа. 1930-й год стал в этом смысле также переломным. Линия поиска вредителей и борьбы с вредительством становится одной из основных в деятельности ОГПУ.

16 сентября 1930 г. ОГПУ представило в Совет народных комиссаров и Высший совет народного хозяйства докладную записку о ходе «электростроительства» в стране, из которой явствовало, что промышленность СССР очутилась перед кризисом электроснабжения вследствие вредительства. «Вредительство», оказывается, проявилось в «плановых неувязках», просчетах, огрехах, плохой организации труда. Все это — «несомненно вредительство»⁷⁵. Трудности такого рода возникали в любой другой области экономики, которой руководили «выдвиженцы» партии, отодвинувшие в сторону специалистов. Но найден был безошибочный ключ, помогавший быстро находить виновных, поднимать против них негодующий глас народа и одновременно расправляться с неугодными и пополнять состав организующегося ГУЛАГа.

Перечислением подобного рода «вредительств» заполнены справки ОГПУ. Ягода старался уловить политическую конъюнктуру. Десятки тысяч информаторов ОГПУ — простых советских людей — служащих, рабочих, крестьян, участвовали в этой адской работе, открывшей эпоху «большого террора», которая занимает не два года (1937 и 1938), а значительно больший период времени, террор формируется как массовая политика именно в 1930 году.

Уже в начале 1930 г. ОГПУ обнаруживало чуть не поголовное вредительство интеллигенции и служащих. Выяснилось, что таким путем «подпольные группы» осуществляют «срыв нашего народного хозяйства» — на транспорте, в тяжелой и золотодобывающей, военной промышленности; вредительством поражена вся советская экономика⁷⁶.

Осенью ОГПУ представило ряд новых справок о вредительских организациях: в Красной армии, в текстильной промышленности; фабрикуется дело о шпионской деятельности врачей-бактериологов; об антисоветской деятельности монархической организации во главе с академиком С.Ф. Платоновым. Выявлены и ликвидированы антисоветские группировки на предприятиях Москвы, Кинешмы, Александра, Ярославля, Кольчугина, Шуи, Иваново-Вознесенска и др. Нанесен удар и по церковникам: ликвидирована «группировка», сформировавшаяся вокруг сосланного на Урал митрополита Петра Полянского ⁷⁷. Сущность вредительской деятельности в Красной армии заключалась в том, что «вредители» «создавали условия», способствующие поражению Красной армии, подрывали ее боеспособность; старым специалистам в Аргуправлении и военно-морских силах припоминали их грехи «в прошлом», в 1918—1919 гг., и обвиняли в попытках отвлечь внимание руководства «от насущных практических задач в строительстве морского флота», в «затирании молодых командиров» и в производстве затрат на нужды флота без предварительных расчетов. Врачи-бактериологи обвинялись в связях с немцами и передаче им в «научно-шпионских целях» способов заражения чумой войск неприятеля ⁷⁸. Обвинениям о вредительстве в РККА свойственны голословность, демагогия, политический психоз. В РККА складывалась атмосфера поощряемых высшим руководством страны доносов, наушничества, карьерной борьбы «молодых командиров» против старых кадров.

Что касается «монархического центра» и «дела академика Платонова», то в справке ОГПУ отмечается, что «после долгого запирательства» от него получено признание в попытке организации «свержения советской власти путем интервенции, комбинированной с восстанием внутри страны». Академику Е.В. Тарле в этой же сводке инкриминировалась встреча во Франции с политическими деятелями, а Платонову — встреча в Берлине во время недели русских историков с «эмигрантским монархическим студенчеством». Сводка заканчивалась злобешней фразой: «Допрос продолжается» ⁷⁹.

В конце сентября 1930 г. ОГПУ доложило о настроениях интеллигенции в связи с раскрытием в Москве вредительства в заготовительных органах. Был устроен процесс, прогремевший по стране вслед за процессом Промпартии, с расстрелом, в итоге, 48 подсудимых ⁸⁰. «Органы» в соответствии с идеологическим ритуалом сообщали, что рабочие «с удовольствием» встретили известие о раскрытии организации и «о расстреле вредителей». Но далее идут отклики из интеллигентской среды: «вредительская организация» расценивается как выдумка, «очередной блеф наших правителей», необходимый для того, чтобы «скрывать неумение коммунистов управлять страной», «чтобы разрядить атмосферу и свалить продовольственные затруднения на вредителей», которых «вынудили подписать показания». Затем информаторы ОГПУ еще раз возвращаются к положительной реакции народа на процесс над Промпартией и вновь после изложения официальной реакции («картина вредительской, шпионской и диверсионной деятельности “промышленной партии” вызвала “резкое возмущение широких народных масс” — акции поддержки, демонстрации) идут сведения противоположного смысла. В Кашинском районе (Тверская обл.) на Высоковской мануфактуре рабочие говорили: «Коммунисты хитрые, забивают нам голову, у них везде вредительство, есть нечего — вот и говорят... за границей чего смотрят, открывали бы войну скорей». О вредительстве как дымовой завесе, призванной прикрыть истинные причины голода, недостатков, говорили и на других предприятиях. Информация того же смысла поступала из среды интеллигенции: из краеведческого общества Нижнего Новгорода («дурое дело... отвлечение общественного мнения от неудач пятилетки», из московского Госбанка («это дело — липа»), из Ленинграда (инженер с завода им. Козицкого: «Таких ловких политических шарлатанов, как коммунисты, я еще не видел») ⁸¹.

Особо «злостные суждения» отмечались среди профессуры. Профессор Шамов (Харьковский медицинский институт): «Все свои бесконечные ошибки в результате многих ложных шагов, порой граничащих с диким упрямством

и самодурством, свалить на голову снова контрреволюционеров. Как неудачи, так вывезет контрреволюция». Ассистент доктор Хавкин (там же): «Вместо того чтобы как-нибудь подумать об улучшении снабжения населения продуктами первой необходимости, народ утешают газетными сообщениями о раскрытии какой-то организации вредителей», а продовольственное снабжение «сорвалось не через вредителей, а... благодаря чрезмерному и ретивому увлечению экспортом, организованному не вредителями, а нашими партийными руководителями». Профессор Огородников (Москва, больница им. Боткина): «Расстрел 48 вредителей — это безобразие. Я после этого расстрела жду, что мясо в России будет стоить 100 руб. фунт». Он был поддержан врачами других корпусов больницы⁸². Аналогичные сообщения поступали о служащих Наркомпочтеля, Наркомзема, из Большого театра (дирижер Н.Н. Голованов).

В связи с инсценировками протеста рабочих против помилования деятелей Промпартии рабочие автозавода № 2 (Москва) обращались к ревнителям революционной бдительности: «Вы, дурачье, кричали о расстреле, вас гоняли к Дому союзов, к чему нужна была вся эта комедия... Не так давно расстреляли 48 невинных людей. Последствия вредительства лягут на шею рабочих. Нам опять предложат подписаться на заем, будут говорить, что рабочие сами требуют этого в ответ вредителям. У них еще много будет процессов и они все с нас будут собирать деньги»⁸³.

Одна из последних записок ОГПУ за 1930 г. в ЦК ВКП(б) посвящена сообщению о выявлении террористических групп, «замышлявших покушение на руководителей партии и государства, в первую очередь на товарища Сталина»⁸⁴.

Все это прямо указывает на то, что политические расстрельные клише 1937 года о вредителях и террористах, желающих убить Сталина, формировались именно в год «коренного перелома», в 1930 году.

И еще одну важную особенность ситуации в СССР тех месяцев раскрывают секретные документы ОГПУ: чем более реальную и впечатляющую картину народного недовольства и народного сопротивления рисовали материалы, тем усерднее сами же органы госбезопасности стремились ее дезавуировать.

По мере того как проходил 1930 год, оценки событий в этих документах становятся все более наступательными и даже истеричными. Бесстрастная и четкая информация прошлых лет сходит на нет. Во-первых, красной нитью во всех обзорах проходит мысль о том, что рост сознательности народа, его трудовой подъем, улучшение «низовой работы» сводят на нет все попытки антиправительственной деятельности⁸⁵. Это сразу же должно, видимо, ответить от «органов» обвинение в очернении советской действительности.

Во-вторых, руководство ОГПУ валило в одну кучу все случаи выступлений против политики власти — от вооруженных выступлений до женских протестов в очередях и критических разговоров в застольных беседах. Появляются даже такие враги, как «бандоодиночки». (Что это такое, не знал, наверное, и автор такого термина.) Все это были враги, которые подлежат разного рода репрессиям. Фантазия на сей счет «простых советских людей» была поистине неистощима. Вчерашние рабочие, крестьяне, мелкие служащие, вступившие в партию и осевшие в ОГПУ, а также многотысячный отряд секретных осведомителей в короткие сроки блестяще овладели этой классовой галиматией, до которой не додумывались даже вожди партии, но которую они с удовольствием принимали.

С нажимом и все чаще органы пытались увязать «антисоветчину» и «контрреволюцию» с враждебным СССР зарубежьем: идея шпионских связей становится обвинительным клише в секретных материалах ОГПУ. Врачей-бактериологов обвиняют в связях с германской разведкой, ученых историков — с французскими и немецкими спецслужбами, а также с эмигрантскими, то есть белогвардейскими кругами, «антисоветские движения» в деревне привязывают к влиянию «заграницы». В сводках о борьбе с бандитизмом немало

страниц также посвящено связям антисоветских организаций и групп (порой единичного состава) с зарубежьем, особенно в тех случаях, когда приписывается умысел на восстание, террористическую деятельность. Раскрытые в Белоруссии «антисоветские» организации, выступавшие, как показывают документы, в основном против коллективизации, органы ОГПУ обвиняли в преступных контактах с польской шляхтой. С конца 1920-х годов, но, особенно начиная с 1930 г., шпионаж стал важнейшим из обвинений в деятельности против политики руководства страны. Шпиономания, стремление объединить врагов внутри страны с ее недругами вовне едва ли не до конца существования советского режима становится жупелом общества, стоившим жизни сотням тысяч людей.

В-третьих, ОГПУ стремилось всеми силами показать Сталину свою неусыпную и решительную работу по искоренению всей и всяческой «антисоветчины» и «контрреволюции». Поквартально и особо в конце года подводились итоги «чекистски-оперативных ударов»⁸⁶. ОГПУ в итоговой докладной записке о своей деятельности за 1930 г. подчеркивало, что основным направлением деятельности было выявление связей «контрреволюционных группировок города с контрреволюционными элементами деревни», «переключение агентурной работы на деревню», «наиболее полный охват контрреволюционных элементов». В этой связи ОГПУ докладывало, что «контрреволюционная деятельность» протекала в 1930 г. по следующим направлениям: устраивались нелегальные собрания под видом вечеринок, утренников, деловых встреч; контрреволюционные организации и группы создавались в виде «троек», «пятерок»; готовились кадры для активных действий и вооруженных восстаний, делавшие ставку на военную интервенцию, разработку планов захвата оружия, подготовку террористических актов, распространение антисоветских листовок, вредительство по службе, терроризирование бедноты и деревенского актива, систематическую антисоветскую агитацию на базарах, в столовых, очередях, на сельских сходах и в других местах скопления народа. По существу, здесь представлены все составы преступлений, использовавшиеся при «большом терроре», в «ежовщину».

ОГПУ докладывало и о результатах своего «удара». Только за первые 3,5 месяца 1930 г., то есть в пору наибольшего обострения ситуации в стране, в сельской местности были ликвидированы 7262 контрреволюционные организации, арестовано 140 724 человека, выселено 446 548 человек⁸⁷. По итогам года ОГПУ сообщило о 2243 репрессированных в городах страны. Среди них расстреляно 65 человек, приговорено к 10 годам концлагерей 90 человек. Тысячи людей оказались в лагерях на различные сроки.

ОГПУ одновременно с гордостью доложило об активизации своей агентуры в 1930 году. Ее деятельность выражалась в доносах секретных осведомителей после собраний, вечеринок, разного рода компаний, сведениях о подслушанных разговорах, в том числе в очередях. «В процессе работы, — говорится в итоговом документе, — выявлены и хорошо проверены преданные делу агенты и спецосведомители, которые и дают возможность парализовать нарастающую активность преступного контингента»⁸⁸. Сеть сексотов в расширяющихся масштабах опутывала страну, проникая не только на предприятия, в села, в высшие учебные заведения, в научные учреждения, армию, но и в семьи, в общественные места. Все эти люди — тоже часть советского народа и довольно значительная. То был тоже 1930-й год, год «коренного перелома».

Материалы агентуры, заверяло ОГПУ, не только полностью «реализуются», но следователям удастся «добиться признания целого ряда обвиняемых и дополнительно выявить конкретные факты контрреволюционной деятельности»⁸⁹. Такая формула была применена в отношении академика Платонова. Ясно, что вымучивание показаний становится в 1930 г. системой при ведении следствия, что также ведет нас к утверждавшейся практике «большого террора».

Нанеся основной «чекистский удар» в 1930 г. по крестьянству, руководство страны лишь примеривалось к городу, к служащим, интеллигенции,

рабочим, разрабатывая градации «антисоветской», «контрреволюционной» деятельности городских слоев и проводя первые значительные репрессии, о которых докладывало Сталину, членам Политбюро.

Возможно, направленность репрессий 1930 г. против деревни, то есть на регионы сравнительно удаленные в территориальном и информационном смысле от основных центров страны, укрыла от советской и мировой общественности начало «большого террора» в СССР именно в это время. Он вышел из тени, когда вслед за крестьянством под молот Большого террора попал город со всеми его общественными, экономическими, культурными связями. С конца 1930 г., но особенно активно в 1936—1938 гг. эти два репрессивных потока — сельский и городской — слились воедино. Точно так же как деревенская беднота и «актив» стали движущей силой этого процесса на селе, так и в городе, воодушевленные всеразрешающим сигналом сверху, сотни тысяч, а может быть, и миллионы людей, включались активно в выявление «антисоветских» и «контрреволюционных элементов», «шпионов», в разоблачение вредителей. 1930-й год стал для них в этом смысле ясной и четкой моделью.

Кончался 1930-й год. Советский народ выходил из него расколотым во всех своих общественных ячейках. Дискриминируемая, преследуемая часть либо стремилась выразить свой протест против наступающих перемен в широком диапазоне средств — от открытых вооруженных выступлений до критических разговоров в очередях и домашней обстановке, либо тихо сидела по углам и со страхом взидала на происходящее и на всепобеждающую мощь напористых партийных, советских, комсомольских активистов, с одной стороны — идейных и убежденных в правильности сталинского политического выбора, с другой — карьерных, циничных и беспринципных. Они вели за собой миллионы обозленных, закомплексованных, жаждущих самоутверждения людей. Эта масса во многом и сформировала питательную среду сталинизма, тоталитарной системы, активно утверждавшейся в стране с победы Сталина над своими политическими противниками в 1925—1927 годах, но особенно активно и неприкрыто с начала 1930 года.

Примечания

1. См., например: ВОЛКОГОНОВ Д. Триумф и трагедия. И.В. Сталин. М. 1989, с. 17; TUCKER P.C. Stalin as Revolutionary. N.Y.-Lnd. 1974; MCNEAL R.H. Stalin. Oxford. 1988, p. 125.
2. См., например: КОНКВЕСТ Р. Большой террор. Firenze. 1974, с. 95, 124 (Конквест пишет, что «террор, выразившийся главным образом в массовых высылках, но частично и в массовых казнях, обрушился на города и, в меньшей степени, на всю страну» (с. 165сл.). Деревня, по существу, выводится за рамки Большого террора); LAQUEUR W. Stalin. N.Y. 1990, p. 67. Смыслом террора В. Лакер считает «убийство миллионов людей, включая всю старую гвардию большевистской партии» (р. 61), хотя и отмечает, что «больше людей погибло в течение коллективизации и голода 1933 г., чем во время чисток» (там же). И в этой работе акцент в оценке Большого террора делается на истреблении ленинских большевистских кадров, на городскую интеллигенцию. См. также: ВОЛКОГОНОВ Д. Ук. соч., с. 20; БАБЕРОВСКИЙ Й. Красный террор (история сталинизма). М. 2007, с. 10—11; «Сталинский питомец — Николай Ежов». М. 2008. Гл. 4. Большой террор.
3. ВИНОГРАДОВ В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества. В кн.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М. 2001, с. 39—47.
4. Говоря о ежедневных сводках и ежемесячных обзорах ВЧК—ОГПУ о положении в стране, Г.Н. Севостьянов отмечает, что «в результате произошло накопление в архиве огромнейшего исторического документального материала о жизни и настроении различных слоев населения и их отношении к политике партии, правительства и вообще к руководству страны» (там же, с. 17). Т. Мартин (США), анализируя весь комплект этих документов, пишет о том, что, несмотря на наличие в них большого количества негативной информации, в основной своей массе информация ОГПУ—НКВД, за некоторыми исключениями, действительно заслуживает внимания (там же, с. 22). Виноградов подчеркивает: «Основное требование, которое предъявлялось к качеству сводки, — давать объективное освещение настроений широ-

- ких масс населения», «руководство органов безопасности и специалисты ИНФО (Информационного отдела. — А.С.) осуществляли перепроверку и согласование информационных данных с другими ведомствами» и в результате представляли руководству страны адекватную картину положения в стране (там же, с. 71—72).
5. СТАЛИН И. Вопросы ленинизма. М. 1952, с. 295—296, 298.
 6. ИВНИЦКИЙ Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М. 1996, с. 15.
 7. СТАЛИН И. Ук. соч., с. 302—303.
 8. См.: КИРЬЯНОВА Е.А. Коллективизация центра России. — Отечественная история, 2006, № 5, с. 75.
 9. СТАЛИН И.В. Соч. Т. 12, с. 166.
 10. См., например: ТАКЕР Р. Ук. соч., с. 419—420.
 11. Население России в XX веке. Т. 1. М. 2000, с. 11—13, 15; ПОЛЯКОВ Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. М. 1986, с. 237; ЖИРОМСКАЯ В.Б. Советский город в 1921—1925 гг. М. 1988, с. 73, 74.
 12. См.: ПОЛЯКОВ Ю.А. Ук. соч., с. 237.
 13. См.: ФЕЛЬДМАН М.А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900—1941 гг. — Отечественная история, 2007, № 10, с. 14.
 14. Там же, с. 18, 21.
 15. См.: ТРОЦКИЙ Л.Д. Сталин. Т. 1. Vermont. 1985, с. 15; т. 2, с. 215.
 16. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографич. отчет. Т. 1. М. 1935, с. 154.
 17. И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)». — Вопросы истории, 2002, № 11, с. 4.
 18. ЭРЛИХМАН В. Потери народонаселения в XX в. М. 2004. Гл. 5; ГУЛАГ — карательная система нового типа. М. 2006, с. 162—166.
 19. См.: ИВАНОВА Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. 1997, с. 227; УПАДЫШЕВ Н.В. От Соловков к ГУЛАГУ. — Отечественная история, 2006, № 6, с. 93.
 20. УПАДЫШЕВ Н.В. Ук. соч., с. 90, 88, 93.
 21. Попытки в России были запрещены в 1801 г. указом Александра I и появились в нашей стране вновь в XX в. уже после Октябрьской революции.
 22. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), ф. 2, оп. 8, д. 655, л. 108, 131—133.
 23. Там же, ф. 2, оп. 8, д. 655, л. 333—337, 510—539; д. 653, л. 152—168; д. 635, л. 617—630; д. 655, л. 639—650; д. 653, л. 186—196, 198—212.
 24. Там же, д. 658, л. 1—7; д. 655, л. 841—851, 659—668.
 25. Там же, д. 658, л. 254—261; д. 655, л. 828—837.
 26. Там же, д. 658, л. 268—273.
 27. Там же, д. 653, л. 346—358; д. 655, л. 852—856; д. 658, л. 1—7, 238—245; д. 677, л. 76—95.
 28. Там же, д. 653, л. 198—212.
 29. Там же, д. 658, л. 323—332.
 30. Там же, д. 653, л. 261—271; д. 660, л. 132—143.
 31. Там же, д. 658, л. 427—438.
 32. Там же, л. 284—297; д. 655, л. 857—867.
 33. См.: ДАНИЛОВ В.П., ТЕПЦОВ Н.В. Коллективизация: как это было. — Правда, 16.IX.1988.
 34. За последние годы история «сплошной коллективизации» освещена в ряде исследований и документальных публикаций (см., например: ИВНИЦКИЙ Н.А. Ук. соч.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. М. 2000—2003).

В работе Н.А. Ивницкого раскрыта история начала сплошной коллективизации, выработка директив на этот счет высших партийных и государственных органов, личная роль Сталина и его соратников Молотова, А.А. Андреева, Кагановича; показаны сам ход коллективизации и раскулачивания, форсирование этого процесса руководством страны, так называемые перегибы, тяжелая судьба сотен тысяч крестьянских семей.

В документальных публикациях приведен значительный комплекс партийных и государственных материалов о подготовке к проведению сплошной коллективизации и раскулачивания, о ходе этого процесса, реакции на него крестьянства страны и линии руководства СССР на неукоснительное выполнение и даже ужесточение принятых решений. В статье Ивницкого «Введение (развертывание “сплошной коллективизации”» (в кн.: Трагедия советской деревни. Т. 2, с. 7—8) анализируется также историография вопроса и даются сведения о наиболее заметных документальных публикациях по этой теме, выпущенных в свет уже в новой социально-экономической и политической обстановке в стране 1990-х годов.

Преимущество рассекреченных материалов Центрального архива ФСБ РФ, относящихся к 1930 г., заключается в том, что они, в отличие от выборочных документов, включенных

в документальные сборники, содержат практически все архивные фонды, посвященные положению советского крестьянства в 1930 г., в совокупности с отношением к процессу коллективизации и раскулачиванию в среде рабочего класса, интеллигенции, служащих, армейского контингента. Одновременно они раскрывают и реальное положение дел среди этих составных частей советского народа.

35. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 677, л. 76—95.
36. Трагедия советской деревни. Т. 2. Док. № 18, с. 103—104, 137.
37. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 677, л. 124—135; 76—95, 124—135; д. 660, л. 255; д. 40, л. 6—18.
38. Там же, д. 53, л. 31—79.
39. Там же, д. 677, л. 124—135; д. 682, л. 277.
40. Там же, д. 660, л. 145—150.
41. Там же, л. 174—180.
42. Там же, д. 677, л. 76—95.
43. Там же, пор. 257, л. 107—112 (проект); ИВНИЦКИЙ Н.А. Ук. соч., с. 115.
44. СТАЛИН И.В. Вопросы ленинизма, с. 331—336.
45. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 92, л. 1—49.
46. КИРЬЯНОВА Е.А. Ук. соч., с. 75—78.
47. Там же, с. 79.
48. Там же, с. 80—84; Трагедия советской деревни. Т. 2, с. 23.
49. Опубликованные материалы Т.Д. Надькина по Мордовии подтверждают общую тенденцию. Именно со второй половины 1930 г., то есть уже после «передышки», вызванной опубликованием статьи Сталина, и временного отлива в колхозном движении, начинается подлинный разгром мордовской деревни (НАДЬКИН Т.Д. Деревня Мордовии в 1932—1933 годах. — Отечественная история, 2006, № 4, с. 68). Инициаторами этого разгрома стали местные работники. Часть их за «перегиб» была снята с работы. Некоторых даже арестовали. Зато остальные, «отдышавшись», с рвением принялись за старое: обыски и изъятие у бедняков и середняков-единоличников спрятанного хлеба, разного рода «дообложения», выполнение плана хлебозаготовок за счет семенного и фуражного фонда, аресты и высылки и, как следствие всего этого, наступление голода, бегство крестьян из деревни, волнения и беспорядки. В результате население Мордовии с 1931 по 1939 г. потеряло в общей сложности до 800 тыс. человек (там же, с. 63—68).
50. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 658, л. 398—408.
51. Там же, д. 653, л. 136—143.
52. Там же, д. 660, л. 13—21; д. 686, л. 55—63.
53. СТАЛИН И.В. Вопросы ленинизма, с. 334.
54. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 53, л. 31—79; д. 655, л. 500—509; д. 653, л. 399—403.
55. Там же, пор. 435, л. 169—241.
56. Там же.
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же.
61. Там же, оп. 8, д. 660, л. 210—229.
62. Там же.
63. Там же, пор. 655, л. 339—340.
64. Там же, л. 305—307.
65. Там же, ф. 2, оп. 8, д. 653, л. 136—143, 305—307.
66. Там же, д. 660, л. 7—12, 112—118. Это корреспондирует с данными органов госбезопасности о настроениях так называемых спецпоселенцев (раскулаченных) в начале Великой Отечественной войны. В Свердловской, Новосибирской, Иркутской областях, в Красноярском крае среди этой части населения отмечались антисоветские и пораженческие настроения, высказывались надежды, что в ходе войны советская система рухнет, «мы снова будем жить как раньше жили» (БЕРДИНСКИХ И.В. Спецпереселенцы в начале Великой Отечественной войны. — Вопросы истории, 2007, № 4, с. 153—154). Приведенные данные, сопоставленные с настроениями части крестьян в 1930 г., ведут нас к пониманию как тяжелых поражений Красной армии в начале войны, так и коллаборационизма на оккупированной территории СССР. 1930 год дал в этом отношении первые грозные сигналы.
67. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 16, л. 492—494.
68. Там же, д. 257, л. 3—5об.
69. Там же, ф. 2, оп. 8, д. 257, л. 21—23.
70. Там же, д. 257, л. 15—18; д. 679, л. 181—319.
71. Там же.
72. Там же, д. 257, л. 117—119; д. 53, л. 1—102.

- 73. Там же, д. 655, л. 883—908.
- 74. Там же.
- 75. Там же, д. 16, л. 305—318.
- 76. Там же, пор. 435, л. 169—241.
- 77. Там же, д. 258, л. 272—278, 234—235; д. 449, л. 1—16.
- 78. Там же, д. 258, л. 272—278; д. 449, л. 1—16.
- 79. Там же. В последние годы опубликованы документы, показывающие всю надуманность этих обвинений и преступные методы выбивания показаний у заключенных (Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб. 1993).
- 80. ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 658, л. 106—112.
- 81. Там же, д. 660, л. 100—107; д. 658, л. 333—342, 398—408.
- 82. Там же, д. 658, л. 106—112.
- 83. Там же, л. 398—408.
- 84. Там же, д. 258, л. 236.
- 85. Там же.
- 86. Там же, д. 53, л. 1—102.
- 87. Там же.
- 88. Там же, д. 653, л. 236—252; д. 64, л. 1—17.
- 89. Там же.